

ОЛЕГ ВОЛХОВСКИЙ

ПРАВДА  
СВОБОДА  
СПРАВЕДЛИВОСТЬ

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ?

ЗАКОН  
ИЛИ  
РАСПРАВА?

523 417 LIVE

ВЛАСТЬ

МАНИПУЛЯЦИИ

ПСИХОЛОГИЯ

РЕПРЕССИИ

СОПРОТИВЛЕНИЕ

ДЕЛО №

СЕКРЕТНО

ИМЕНА  
ИМЕЮТ  
ЗНАЧЕНИЕ

# СПИСОК ОБРЕЧЁННЫХ

3

**Олег Волховский**  
**Список обреченных - 3**  
Серия «Список обреченных», книга 3

*<https://litres.ru/73526776>*

*SelfPub; 2026*

**Аннотация**

У Андрея Альбицкого отняли все: жену, ребенка, друга, бизнес и, в конечном итоге, родину. Только жизнь и свободу отнять не вышло!

В мире глобальной электронной слежки неуловима его гильдия убийц, и от нее нет спасения. Но чем же закончится история виgilантов?

Ответ читайте в третьем томе серии "Список обреченных".

# Содержание

|                                   |     |
|-----------------------------------|-----|
| Глава 1                           | 4   |
| Глава 2                           | 18  |
| Глава 3                           | 33  |
| Глава 4                           | 48  |
| Глава 5                           | 63  |
| Глава 6                           | 78  |
| Глава 7                           | 93  |
| Глава 8                           | 108 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 112 |

# **Олег Волховский**

## **Список обреченных - 3**

### **Глава 1**

В тот же вечер, сразу после суда над Женей, Альбицкий выступал на ютубе.

– Сегодня пойдет речь о новом приговоре Евгению Соболеву. Приговор совершенно изуверский. Тупая, глупая, бессмысленная жестокость.

Мне сложно выступать против смертной казни, поскольку мы сами ее применяем. Но у государства, в отличие от нас, есть много других методов принуждения. Государству она не нужна. И первое, что мы сделаем, когда мы или люди, которых мы поддерживаем, придут к власти, вы удивитесь, мы отменим смертную казнь.

В случае нашего исполнителя не было никаких причин ее применять. Он находился в Психологическом Центре, ему делали коррекцию, на которую он добровольно согласился, и его сейчас переведут в камеру смертников.

Парня собираются казнить, когда процесс психокоррекции не то, что начат, а вчерне завершен. Ну, что здесь сказать? На тот свет с чистой совестью?

Уж не говоря о том, что это прямо незаконно.

Даже по законам эпохи тирана, которые мы, надеюсь, как-нибудь сложим кучей на широкой площади и подожжем. Потому что ничего лучшего они не заслуживают.

И конституция диктатора, которую он переписывал десять раз по своему вкусу, отправится туда же. А мы погребемся у этого костра.

Теперь о том, кто виноват.

До сих пор мы не внесли в наш список ни одного человека, который боролся с нашей организацией в рамках правового поля, потому что как только мы это сделаем, мы окажемся на одном уровне с уголовниками, которые убирают свидетелей, или отстреливаются от полицейских, исполняющих свой долг.

Мы не там.

Есть такой замечательный следователь Платон Савельевич Зотов. Он был начальником следственной группы, которая занимается Лигой. Именно этот человек вычислил Женю, и мы не успели его эвакуировать. Платона Савельевича нет в нашем списке.

Есть замечательный судья Александр Яковлевич Марков. Это человек, который приговорил Женю к двадцати двум годам лишения свободы. Но это было наилучшее решение в рамках возможного внутри данной политической системы. Мы реалисты и не ждали оправдания. И, как человек со своими взглядами и представлениями, судья имел полное моральное право вынести такой приговор.

Александра Яковлевича нет в нашем списке. Более того, даже, если бы он приговорил нашего исполнителя к пожизненному заключению его бы все равно не было в нашем списке.

Но случай прокурора Семена Григорьевича Чекмарева совершенно особый. Это человек, который попросил смерти для осужденного с практически завершенным курсом коррекции. Причем сняв с него два убийства. Это чистое людоедство. Даже если бы Женя не был нашим исполнителем, мы бы внесли Семена Григорьевича в список.

И он уже там. Можете проверить.

И я обещаю, что он не переживет Евгения Соболева больше, чем на неделю.

Судья Мизинцева Лариса Алексеевна вынесла смертный приговор, во всем согласившись с прокурором, прекрасно понимая, что делает.

И она не переживет Женю дольше, чем на неделю.

Семен Чекмарев и Лариса Мизинцева не единственные виновные в этом деле, и даже не главные.

Я не сомневаюсь, что приказ отдал человек, которого все знают и который является фигурантом нашего списка с первого дня. Это наш бессменный президент. Мы долгое время даже не пытались исполнить этот приговор. Но и не сидели, сложа руки. И знаете, в его защите есть бреши. Он далеко не неуязвим, мы до него доберемся, и думаю, что уже скоро.

У латиноамериканских клептократий, в одну из которых

он превратил Россию, есть слабые места. Избавиться от них можно только вместе с клептократией. Но не буду ему подсказывать.

Что же касается стандартного самооправдания наших подопечных: «Я выполнял приказ» – для нас это ничто. Пустой звук. Это самооправдание фигурантов Нюрнбергского процесса.

Не согласен с приказом – уходи в отставку. Не ушел? – Отвечаешь!

Надо было написать Жене, пока он еще в ПЦ. Но Штерн совсем не понимал, что писать. Надоевшее «держись»? Ему по десять раз на дню это пишут.

«Как ты?» Ну, как! В ответ на такой вопрос либо молчать, либо врать при данных обстоятельствах.

Разве что пересказать выступление Альбицкого. Только цензура может не пропустить.

На помощь пришел Марков.

Он позвонил в тот же вечер и, кажется, даже был трезв.

– Олеж, я тут петицию составил, – сказал Александр Яковлевич.

– По Жене?

– Да, за неприменение смертной казни.

– От своего имени?

– Да.

– Опять попрут из судей, ты же не имеешь права выска-

зывать о решениях коллег.

– Да пошли они в задницу! Хрен они мне рот заткнут. Это, знаешь, не решение, это издевательство над правосудием. Да и какой я судья, если мой приговор можно просто вот так перечеркнуть без всяких оснований!

– И что пишешь?

– Что оснований для применения смертной казни в случае Евгения Соболева нет совсем, поскольку при правильной квалификации ни одно из его преступлений на смертную казнь не тянет, а по совокупности к «вышке» приговаривать нельзя, это, во-первых. Во-вторых, было добровольное согласие на коррекцию, которое вообще исключает смертную казнь. И, в-третьих, психолог, который с ним работал, то есть ты, был категорически против применения высшей меры. То есть решение Мосгорсуда (уж лучше бы был «Мосгорштамп», ей богу!») не только неоправданно жестоко, но и абсолютно незаконно.

– Саш, по Дамиру тоже была петиция. Двести тысяч человек подписали...

– Знаешь, иногда работает. Главное, чтобы не просто врачи и учителя подписывали, а известные люди: актеры, режиссеры, писатели, ученые. А потом уже в народ пустим. Я тут Зине Фаворской позвонил. Это журналистка, которой я давал интервью на «После дождя». У нее знакомств! Думаю, на тысячи счет идет. Ну, журналистка! Она обещала обзвонить знакомых и собрать часть подписей. По богеме, в основном.

И еще священников затащит. Она верующая.

– Ну, расстригут, – усмехнулся Штерн.

– Они сами выбирают, как и я. Меня попрут из судей, их из священников, но, может, человека спасем.

– Женя не верующий.

– Ну, и что? Разбивать оковы неправды должно только у верующих?

– Саш, это только для очистки совести. Нашей совести.

– Ну, надо же что-то делать!

– Вот и Женя тоже самое говорил. Мне кажется, что мы сейчас повторяем его путь. Он его уже прошел, далеко впереди нас.

– Где-то он свернул не туда, Олеж... У тебя были, вроде, депутаты знакомые. Ты с них подписи соберешь?

– Либо такие оппозиционеры, что не было бы хуже, либо уже не депутаты, либо уровень муниципалитетов. Но соберу, конечно.

– И сообщество психологов...

– Соберу.

– И предприниматели. У тебя же много богатых клиентов...

– Если не побоятся.

– А я беру на себя юристов. Адвокатов, в основном. И преподавателей. Научное сообщество. А там, может и на технарей выйдем...

– Если не побоятся. Им в последнее время полюбили шпи-

онаж шить.

– Ну, сколько сможем... Олеж, я знаю про побег.

– Осуждаешь?

– Нет, я бы тебя оправдал. Это же ради спасения жизни. Да и общественная опасность Соболева, насколько я понял, сейчас ноль. Так что и от твоего пособничества соответствующая. И в чем тогда преступление, если общественной опасности нет?

– Он не смог выстрелить в Юдина.

– Я знаю, мне Левиев рассказал. Ну, твоя качественная коррекция.

– Лучше бы я ее не делал!

– Ты уверен?

– Если бы мне пришлось выбирать, кому жить: Жене или Юдину, я бы выбрал Женю. Не колеблясь. Я хотел, чтобы он выстрелил.

Марков молчал.

– Мне Альбицкий предлагал эмигрировать, – сказал Штерн.

– Он тебе правильно предлагал. Рано или поздно все равно всплывет, и хрен я у тебя буду судьей!

– Я не то, чтобы отказался, но...

– «Родину не унесешь на подошвах сапог, да?» Дантон ошибался. Или у нас такая специфическая родина. И захочешь стряхнуть с подошв, да не отлипнет, так и потянешь везде за собой. И, где бы ты ни был, по каким бы прекрасным

Франциям и зеленым Англиям не гулял, по каким бы теплым пляжам и побережьям, ни в Сорбонне, ни в Оксфорде, ни в Венском университете ты нигде и никогда не забудешь о том, что именно на твоей родине пытаются и сажают в тюрьмы невиновных, именно на ней строят на народные деньги яхты и дворцы, и на народные деньги ведут войны для того, чтобы удержаться у власти. Что именно на твоей родине готовы казнить тех, кто этого не заслуживает. И никуда ты от этого не сбежишь. И будешь выть от бессилия, потому что ничем не сможешь помочь. Будешь просыпаться и ложиться в постель с этой мыслью, и с этой болью, как бы далеко ты от этой родины не сбежал. Так что унесешь, Олеч. Еще как унесешь! По себе знаю.

– Тогда, какой смысл уезжать?

– Ну, как какой? А, если еще одного хорошего человека сгноят в тюрьме, кому лучше-то будет?

После разговора с Марковым Олег сел за письмо. Пересказал выступление Альбицкого (ну, замажут некоторые строки – ну, и ладно, здесь главное страницы на ответ). Пересказал разговор с Сашей (здесь, и замазывать почти нечего). И спросил, как рука.

«Передайте Маркову мою благодарность, – писал Женя. – Помня о судьбе Дамира, я не очень верю в успех, но все равно спасибо.

Я в начале процесса не очень красиво себя вел, так что

передайте ему мои извинения за мой глупый отвод.

Рука почти ок. Я не могу ее сжать в кулак, и не все пальцы чувствую одинаково хорошо, но нагноения уже нет, и уже почти не болит. И в любом случае это ненадолго.

У меня к Вам просьба, Олег Николаевич. Настя написала, что она ушла из дома и живет у подруги. Вы можете проследить, чтобы с ней ничего не случилось, когда меня не станет. Я Зотову обещал, но с какого-то момента уже не смогу контролировать ситуацию. Вы психолог, поддержите ее. Извините, что обременяю. У Левиева есть ее телефон».

Это, видимо, судьба: спасти чужих девушек. Олег достал телефон у Левиева и написал Насте, сославшись на Женю.

«Меня не надо опекать, – ответила Настя. – Ничего из того, чего они так боятся с моим отцом, никогда не случится».

Передал извинения Маркову.

«Олеж, я дурак», – ответил Марков.

Написал Жене еще одно письмо с полным отчетом: написал, извинился, связался...

Вечером из ПЦ пришел ответ: «Арестант выбыл». Уже! Это значит в Лефортово, в камеру смертников, ибо после решения Мосгорсуда приговор вступил в законную силу.

Это значит в Лефортово будет карантин, и письма не будут передавать. Это значит: недели две без связи.

Защита, конечно, подала кассацию. Разбирательство назначили на конец июля во Втором кассационном суде Моск-

вы.

К началу процесса под петицией удалось собрать почти полмиллиона подписей.

Штерн написал об этом Жене.

«Спасибо огромное за письмо, — ответил он. — За то, что вы мне пишете. Как же классно, что сюда можно писать! Говорят, в прошлом веке смертникам была запрещена переписка.

Только не тешьте меня бесплодной надеждой. Это, правда, очень тяжело. Пожалуйста, не надо!

Передайте мою благодарность тем, кто за меня подписался. Только не читают они никаких петиций, никуда их не приобщают и не видят в упор.

Очень радостно, что столько людей против смертной казни.

Кто бы говорил, да?

Не мне жаловаться, моей мерой отмеряют».

Женя не ошибся: кассационный суд не изменил в приговоре ни слова.

Остался Верховный суд, Президиум Верховного суда и президентское помилование.

Первые две инстанции проскочили к началу октября. Осталась последняя.

Женя явно повторял судьбу Дамира.

В октябре Жене разрешили увидеться с матерью.

«Она очень просила меня подать прошение, – писал Женя. – Мне кажется, нам и разрешили увидеться только для этого. Думали, что я увижу ее слезы и сломаюсь.

Но я не признаю его власть и никогда не признаю, пусть мне немного осталось. Просить милости у того, кого я считаю узурпатором? Нет, Олег Николаевич.

Мне говорят: «Ну, напиши ты это чертово прошение о помиловании, это же только формальность, бумажка – пожалей мать». Напиши – и он тебя помилует.

Но я ему не верю ни на грош! Это такая же игра кошки с мышкой, как суд Маркова. Прижал лапой, отпустил, потом снова поймал и тут уж запустил когти.

Я боюсь, что мое унижение все равно пойдет прахом. Дамир сломался, написал – и что? А за ним не было вообще никакой вины. С чего ему миловать меня, если он его не помиловал?

Нам с мамой разрешили увидеться только через стекло, мы не могли даже коснуться друг друга. Я приложил ладонь к стеклу с одной стороны, она с другой, и наши руки соединились.

«Женя, Женечка, ненаглядный мой, – шептала она. – Напиши, пожалуйста, напиши!»

И слеза стекала по ее щеке.

А я не знал, что ответить.

Я вообще не понимаю, как я это выдержал.

Вы меня простите, Олег Николаевич, что я вас всем этим

грузу. Просто мне надо рассказать кому-то.

Знаете, здесь ужасно ценными кажутся самые простые вещи. Я вспомнил тут, как водил экскурсии по пещерам. Я вам не рассказывал? Это было еще до того, как я вошел в Лигу. Когда верил, что и без насилия можно что-то изменить. Забывал чуть-чуть денег: часть тратил на жизнь, часть на донейты, на ту самую ненасильственную борьбу.

Я помню, как мы шли по лесу к одной из подмосковных каменоломен. Осень. Пасмурно, но так хорошо.

Свобода!

Как бы я хотел еще хоть раз так пройтись! В последний раз вдохнуть этот влажный лесной воздух полной грудью. Понимаю, что невозможно. Но не перестаю мечтать.

Спасибо за все, Олег Николаевич!

Прощайте.

Женька».

Текст был написан аккуратно и разборчиво. Заключение пишут от руки, потом их письма сканируют и пересылают по электронной почте. Штерну это казалось излишним. Зачем загонять людей в прошлый век? Пальцы, привыкшие к клавиатуре, слушались плохо, и все его пациенты писали страшно коряво, но Женя научился за десять месяцев. Ему приходили пачки писем, и он на все старался отвечать.

Почему бы не дать возможность пользоваться компьютером? Ну, пусть с белым списком сайтов или вообще без выхода в интернет. Да, почти красивый почерк. Но, кому он

нужен в середине двадцать первого века!

Было около полуночи, когда раздался скрежет ключа в замке.

– Руки! – скомандовал тюремщик.

Женя повернулся спиной и дал надеть наручники.

Он уже все понял, в это время не приходили никогда.

Четыре месяца в одиночке. Это вроде бы незаконно, но Женя не жаловался, не писал об этом ни Штерну, ни Леви-еву, ни, тем более, Насте. Спасибо, что письма передают.

На прогулки не выводили, эту полутемную холодную камеру он покидал трижды. Один раз на свидание с матерью и дважды с адвокатом. Защитник сначала приходил до мамы, и потом – после, когда он окончательно отказался писать прошение о помиловании.

На этот раз Женю вывели из камеры в тюремный коридор, и там, кроме двух тюремщиков ждало еще пятеро мужчин. Одного он узнал – это был начальник Лефортова, который когда-то отправлял его на кичу. Второй, судя по интеллигентному виду, видимо, прокурор. Третий, пониже и помягче на вид, наверное, врач. А, может быть, наоборот, кто их знает!

Четвертый – СБшник? Вроде, СБшник должен присутствовать.

Пятый – исполнитель? Или исполнитель будет ждать на месте?

Его вели вниз. Но не долго. Камера и так была в нижней части здания.

Ему ничего не сказали о том, куда ведут. Ничего не объявили.

Вроде бы, тем кто пишет прошения, обязаны объявить, что все они отклонены, но он ничего не писал, так что, наверное, они в своем праве.

— У меня к вам одна просьба, — сказал он тому, кого считал прокурором. — Не ставьте меня на колени.

Тот хмыкнул.

— Я не создам проблем, — добавил Женя.

Внизу был коридор и дверь. Ее открыли перед ним. Там была маленькая камера. Совершенно без всего: ни шкафов, ни стола, ни окна, ни параша. Только мертвенный свет круглой лампы под потолком и стены обиты чем-то черным, резиной что ли?

Он должен был, наверное, вспомнить всю свою жизнь, но видел только глаза матери и еще ту первую фотку Насти, где она похожа на мальчика. И еще почему-то мелкий дождь, слабый ветер и осенний лес.

И он шагнул вперед и переступил через порог.

## Глава 2

По осеннему лесу они шли вместе. Было пасмурно. Желтые листья сияли на темной земле, скрипели под ветром ели, и их повисшие ветви колыхались на ветру. Сухие стволы мертвых деревьев вонзались в небо как рапиры, и красные ягоды рябин горели на фоне темной хвои сосен, почти черной на фоне светло-серого неба. Накрапывал дождь.

Женя улыбался.

– Как же хорошо, Олег Николаевич! Как здорово, что вы меня сюда вывезли. Спасибо вам огромное! Вы не беспокойтесь, я не убегу, я же обещал.

И Олег почувствовал, как ком подходит к горлу и слезы наворачиваются на глаза.

Женины русые волосы, длинные почти до плеч, чуть трогает ветер, и ложатся на них светлым бисером мелкие капли воды.

Кажется, это его сын, точнее он в этом совершенно убежден, он прощается сейчас со своим сыном. Да, ведь действительно у него сын почти в том же возрасте, ну, чуть старше. И дочь. Почему бы у него не быть еще одному сыну?

В сплошном облачном покрове появляются разрывы, облака истончаются, становятся легкими, полупрозрачными, похожими на серый лебяжий пух, но и пух рвет в клочья и уносит ветер, и за ним проступает розовое закатное небо. А

за розовым – бледная голубизна.

– Кажется, погода разгуливается, – говорит Женя. – Как же красиво!

Лес редееет, они выходят на высокий берег реки. Солнце вырывается вниз из-под облаков и освещает их красным, словно раскаленные угли. И золотит стволы сосен и капли дождя на Жениных волосах.

Он прислоняется к стволу сосны и смотрит на закат, а Олега душат рыдания.

– Ну, зачем вы так, Олег Николаевич? – говорит Женя. – Ну, я же виноват.

Солнце слепит глаза, пронизывает его фигуру насквозь, зажигает волосы сияющим ореолом. А потом исчезает за краем земли. И все исчезает вместе с ним. Ничего не остается, кроме красной полосы облаков и выше – синего неба. И нет никого больше возле сосны.

Только утасающее небо над темной рекой.

Зазвонил телефон. Олег сел на кровати, вытер слезы тыльной стороны кисти. Ну, да, он плакал во сне.

Это Марков. Штерн взял трубку.

– Олег, ты знаешь, уже? Приговор приведен в исполнение.

– Нет, – сонно сказал Олег. – Хотя да... он приходил ко мне.

– Ко мне нет. И я чувствую себя убийцей.

– Мы сделали все, что могли.

– Не все, Олeж! Не надо себя обманывать. Я подал в отставку.

Коньяк с утра. Очередной дареный коньяк, который никогда не был нужен. Как-то раньше хватало любимой Штерном французской сухой кислятины, и то раз в два месяца. А тут коньяк с изрядной регулярностью. Еще немного, и кончатся запасы. Но невозможно без этого! Не антидепрессанты же пить!

Телефон снова загудел: телегaрм, вoтсап, смс-ка?

Телеграм.

«Олeг Николаевич, знаете уже? – писал Альбицкий. – Как же вы с Марковым хотели спасти его душу, как трогательно пытались привести к раскаянию, исправить, вывести к свету! Именины сердца! Как праведно, как справедливо и милосердно вы его судили! Я любовался. И у вас получилось, он вам поверил. Вам, а не мне. Когда такие два мастодонта, знаменитых либерал-гуманиста говорят, что он неправ, ну, как тут не поверить!

О! Вам дали порезвиться на полную катушку. Вы не учли только двух вещей. Первая. Женьку не надо было выводить к свету. Он уже был там. Вы ломились в открытую дверь.

И вторая. Ни черта вы там не решаете!

Олeг не стал писать, позвонил прямо по мессенджеру.

– Андрей, вы уже роздали приказы? Я вас умоляю: остановите казни!

– Господин Штерн, – услышал он насмешливый голос. –

Со мной этот номер не пройдет! Я в два раза старше Соболева, и прекраснодушных либералов, вроде вас, немало повидал на своем веку.

И он бросил трубку.

Собрались у Андрея. Он сам, Крис, Кирилл и Вера, которую Женя знал как Анку.

– В закрытом гробу хоронят, – сказал Андрей, глядя в экран компьютера.

– Угу, – кивнул Крис. – Как там у вас это делают? Выстрелом в затылок с близкого расстояния? У него могло не остаться лица.

– Это странно, – сказал Кирилл. – Обычно они не выдают тела казненных.

– А ты, смотри-смотри, Анджей, – проговорил Крис, – тебе полезно, вы сейчас с Верой пойдете гулять в Кенсингтонские сады, а он, мальчик двадцати лет, будет гнить в гробу по твоей милости.

– Ему двадцать два... Было.

– Детали.

– Крис, я все же думаю, что убийца тот, кто стрелял.

– А не тот, кто послал на смерть хочешь сказать? Ты продолжай.

– Крис, – сказала Вера. – Мы не марионетки у Андрея в шкафу, нас не надо никуда посылать. Мы идем сами, мы добровольцы, и это не Андрей ведет нас под пули, это мы

ждем от него помощи с оружием, планами, диспозицией и организацией командования. И Женька не был марионеткой!

– Да, ваши – изуверы, – сказал Крис. – Не спорю. Но ты, Анджей – сообщник.

– Крис! Зачем я только позвал тебя!

– Известно зачем. Чтобы я работал твоей совестью. Точнее ее внешним воплощением. Меня ведь можно и на хуй послать, если будет совсем уж тяжело, а ее ты не пошлешь, дама все-таки. Ну, и где тот народ, за который вы кладете души? Три человека в зале прощания: мать, бабушка и адвокат. И десять сочувствующих у входа в морг. Кто, кстати, снимает?

– Помощник Левиева. Так что четыре. Мы не ждем благодарности.

Гроб погрузили в автобус, за ним поднялись Левиев, мать и бабушка Жени.

Прочие остались.

– На какое кладбище? Спросил человек возле машины.

– На Покровское, – бросил Левиев.

– Ты у матери его хоть прощение попросил? – спросил Крис.

– Я ей написал.

– Что?

– Что ее сын погиб как герой, и что рано или поздно народ это поймет и оценит. Что еще?

– А Веру будешь хоронить, что сам себе скажешь?

– Иди на хуй!

– Я-то уйду, а совесть твоя останется.

– А что мы должны сидеть, сложа руки и не сопротивляться? Да, на войне приходится выходить под пули, и иногда эти пули находят свою цель.

– Это не война, Анджей.

– Это война.

Катафалк медленно ехал на юг, на окраину Москвы, периодически застревая в пробках. На подъездах к кладбищу, встали совсем глухо, пять километров час, хотя, вроде бы, в такой «заднице» и пробок-то уже быть не должно.

– Петя, что там у вас? – спросил Андрей Левиева.

Петька пожал печами:

– Стоим.

– А, как ты добился выдачи тела? Кир говорит: не выдают.

– Ничего мы не добились. Гроб пустой. Кто-то оплатил зал в морге и место на кладбище, а справка о смерти у нас есть. Теперь же выдают. Эра милосердия! Двадцать первый век.

Где Женя на самом деле? В безымянной могиле без надписи? Говорят, на таких ставят табличку с номером. Больше ничего!

Да, какая разница! Прах к праху.

Тем временем Вера открыла новостной сайт на своем планшете. Тот самый, чудом выживший портал «После дождя», который еще решался готовить правду.

На экране была толпа у ворот кладбища и тысячи машин,

наглухо забившие все парковки.

– Шишку какую-то хоронят, – вздохнул Андрей.

Вера покачала головой.

– Не шишку.

И они услышали голоса полицейских, призывавших народ разойтись по громкоговорителю.

– Это Женьку хоронят, – сказала Вера.

Автобус с гробом медленно-медленно, но все же протиснулся к воротам кладбища. Гроб вынесли из машины, его подхватили еще десятки рук, и кто-то накрыл его трехцветным флагом.

В толпе Андрей видел знакомые лица тех самых либералов, которые всю жизнь кричали, что Лига дискредитирует идею, подставляет всех остальных, обагрывает руки кровью, бросает тень и подводит под монастырь. Единомышленники, блин! Лучше враги, чем такие единомышленники, сидящие у каминов в своих недешевых особняках, теоретики свободы, презирающие и ненавидящие тех, кто смеет брать в руки оружие.

Но они пришли. Потом, конечно, скажут, что пришли в знак протеста против применения смертной казни. Но к Дамиру почему-то не пришли. Пришли к Женьке.

– Вот и народ, Крис, – сказала Вера. – Тот, за который мы кладем свои души.

Штерн позвонил Насте вечером, накануне похорон.

– Вы собираетесь идти завтра?

– Конечно.

– С его мамой?

– Нет. Ну, кто я ему, Олег Николаевич? Просто знакомая по переписке.

– Мне кажется, он так не считал.

– В любом случае, что я буду мешать его семье? Мы виделись-то пару раз в суде через стекло. Так что пойду со всеми, как все.

– Можно мне пойти с вами?

– Женя поручил, да?

– Да.

– Я не нуждаюсь в опеке.

– Зато я нуждаюсь, мне будет там тяжело одному.

Она усмехнулась.

– Ну, хорошо.

Договорились встретиться у метро Пражская.

Было ясно и холодно. Такие яркие дни еще бывают в начале ноября: бедно-голубое небо и последние желтые листья на черном асфальте.

Он собирался подвести ее к кладбищу на машине, но едва смог припарковаться у метро, дальше все было забито, и в сторону кладбища стояла сплошная пробка.

А может и правильно, за гробом ходят пешком.

Она ни на минуту не опоздала. Такая же как на фотографии, маленькая, худенькая и похожая на мальчика.

– Как вы? – спросил он.

– Нормально.

Она даже улыбалась, но что-то не нравилась ему ее улыбка. Улыбка-усмешка с горестной складкой в углу рта, такая появилась у Жени после лефортовской кичи.

Пошли по улице Подольских курсантов. И рядом шагали сотни людей. Никто ничего не выкрикивал, не нес ни плакатов, не флагов, только у некоторых были черные ленты: на сумках, на одежде, на руках.

У Насти оказалась с собой такая же. И черный круглый значок без всяких надписей. Она связала из ленты черный бант и проколола значком себе на куртку.

– Хотите? – спросила она. – У меня еще есть.

– Давайте.

И она приколола такую же ленту ему на пальто.

Люди шли в полном безмолвии, но их становилось все больше. Они не успели дойти до моста через железную дорогу, когда плотность толпы стала угрожающей.

– Настя, это опасно, – сказал Олег. – Может быть давка. Давайте переждем.

– Не будет, Олег Николаевич, это другие люди.

– Как бы не начали разгонять...

– Мы можем опоздать.

– Туда не опаздывают.

– Гроб уже опустят.

– Он пустой.

– Я знаю.

– Потом подойдем, когда толпа рассосется и положим цветы.

Она попыталась еще протиснуться вперед, но толпа встала наглухо, а задние ряды напирали, так что Настя сдалась. Штерн вывел ее из гущи народа обратно, и они сели на лавочку в Покровском парке. Отсюда она наотрез отказалась уходить.

Открыла новости на телефоне.

Гроб опускали в могилу. Земля подмерзла, и там, на дне, по крайней мере, не стояла вода.

Почему Олега так порадовало, что не в воду, не в грязь, смешанную с песком, не в осеннюю жижу? Пустой же гроб.

Глухо ударился о крышку первый ком земли.

– Женя просил вам передать, чтобы вы не переживали, – сказала Настя. – Что вы не при чем. Что он не выстрелил не из-за коррекции. Да, это делало выстрел совсем невозможным, но он бы не выстрелил и без этого. Просто Юдина не было в списке, он не был приговорен, уж, не говоря о том, что не было приказа. Женя не имел права стрелять.

Олег поднял глаза к небу, расчерченному тонкими ветвями берез, уже совсем без листьев, и закусил губу. Он боялся, что расплачется она, где-то не выдержит, сбросит с себя эту каменную насмешливую скорлупу и заплачет. Но, похоже, первым заплачет он.

Парк наполнялся людьми, народ занял все лавочки, стоял

на аллеях и захватывал мертвые осенние газоны.

Штерн подумал, что им потом что-нибудь предъявят за то, что испортили газон, и что их надо бы оттуда согнать, но людей было слишком много, и Олег как-то не решился напомнить им об этой законопослушной ерунде.

– Ваше мероприятие не согласовано, – разнесся на парком звук громкоговорителя. – За нарушение закона вы можете быть привлечены к ответственности.

– Какое мероприятие? – усмехнулась Настя. – Похороны не согласованы? Так это не наша инициатива, мы бы предпочли видеть его живым.

– Может быть, пойдем? – осторожно спросил Штерн.

– К Жене? Не пробьемся, там еще толпа.

– Нет, к метро...

Она посмотрела на него так, что он больше не решался заикаться на эту тему.

И тогда раздался вой: все автомобили в пробке загудели разом, и громкоговорителя больше не стало слышно.

А потом вой слился с сиреной, и в парк заехало с десятков автобусов полиции, прямо по вымощенным плиткой аллеям.

– Настя, пойдем, – сказал Олег. – Они сейчас выстроятся цепями, все перекроют, и возьмут нас в котел. Вообще не выйдем.

– И что? Меня не забирают, Олег Николаевич. Видимо, у меня вид не криминальный. А у вас – тем более. Но вы, конечно, можете идти.

Он вздохнул и сел обратно.

Из автобусов высыпал ОМОН в бронежилетах и шлемах, но парк интересовал его в последнюю очередь. Видимо, им приказали очистить подходы к кладбищу. Туда они и пошли неровным строем, а в телеграм-канале «ОВД-инфо» у Насти на телефоне начали сменяться цифры задержанных: сто, двести, пятьсот.

И пошли сцены избиений. Вот парня с черным крепом повалили на землю и начали избивать дубинками, вот девушку ударили ногой в живот и тащат в автозак. Вот другая схватила омоновца за рукав и пытается оттащить его, наверное, от своего парня, который лежит на асфальте и кричит от боли.

– Настя, пойдемте! – взмолился Штерн.

– Я никуда не пойду.

Они сидели так, наверное, часа два.

Могилу засыпали и поставили простой деревянный крест с датами жизни и фотографией. На фото Женя был снят еще до эмиграции, года два назад, и выглядел совсем мальчиком.

Поставили венки: «Ненаглядному сыну», «Любимому внуку», «От Политического Красного Креста», «От Фонда Павла Дубова», «От независимых депутатов».

– Надо же, решились! – прокомментировала Настя. – Я о двух последних.

А потом потянулась длинная очередь людей с цветами. Очень дисциплинированно, очень воспитанно и спокойно каждый подходил и клал на могилу свой букет, пока гора

цветов не достигла вершины креста. А люди все шли.

Толпу у входа разогнали, остались мелкие группки, которые еще надеялись просочиться к кладбищу.

ОМОН вернулся в парк, разделился на цепи и начал вытеснять народ.

– А вот теперь пойдёте, – сказала Настя и поднялась с места.

И они подошли к улице Подольских курсантов.

– Метро налево, – сказал Штерн.

– А нам направо, – хмыкнула Настя.

Повернула к кладбищу и решительно зашагала вперед.

Он еле догнал ее.

Мост через железную дорогу был перекрыт цепью полиции, но не очень плотной: омовцы стояли где-то в метре друг от друга.

Настя прошла между ними так, словно была бесплотной тенью. Штерн бросился за ней с мыслью: «Вот сейчас точно задержат!» Но и его не тронули. То ли были в шоке от такой наглости, то ли у них не было приказа хватать всех подряд.

После моста стояла еще одна цепь ОМОНа, на этот раз плотная, мышь не проскочит.

– Дворами пройдем, – сказала Настя.

И решительно свернула направо в квартал высоток.

Там, действительно перекрыто не было, и народ тонкими струйками просачивался к кладбищу мимо детских площадок и припаркованных машин.

У входа стояли полицейские. Настя все-таки подошла к калитке.

– Кладбище закрыто, – сказал ОМОНовец. – Работает только на выход.

– У меня там муж похоронен, – сказала Настя. – Можно мне пройти?

– Нет. Кладбище закрыто.

– Почему?

Полицейский пожал плечами.

– Приказ.

Она шагнула прямо к нему.

– Пропустите!

– Старый был муж... – предположил его напарник.

– В твоём возрасте, – бросила Настя. – Его убили. А вы служите тем, кто его убил.

– Что? Вы это, о чем? Кому мы служим?

– Вы прекрасно меня поняли! – процедила сквозь зубы Настя.

Оперлась локтем на безвкусную желтую колонную ворот и сжала руку в кулак.

– Можно будет завтра прийти? – спросил Штерн. – Нам только цветы положить. Завтра будет открыто?

Омонец пожал плечами.

– Как прикажут.

– Я вас подкину до дома? – спросил Штерн, когда они по-

дошли к метро.

– Саларьево, – усмехнулась она.

– Ну, и что? Думаете запугать меня другим концом Москвы?

– Просто, мне неудобно вас обременять.

И она попрощалась и сбежала в Пражскую.

Дома Олег тут же написал ей.

– Доехали? Все ок?

– Да.

И отложил телефон с таким чувством, что чего-то не доделал. На сердце было беспокойно.

## Глава 3

Когда она вернулась домой, подруги еще не было. Впрочем, Настя снимала у нее маленькую комнатку, которая заперлась на ключ, и где можно было чувствовать себя вполне независимо. В первое время отец еще надеялся ее вернуть и донимал звонками, но к октябрю смирился и их общение обрело холодный, полуофициальный характер. Жива? Все нормально? Деньги есть? И слава Богу.

Она села на кровать в своей десятиметровой келье и начала смотреть новости на телефоне. "ОВД— инфо" сообщало, что число задержанных превысило 5 тысяч человек, потом выдало точную цифру: 5692. Но это не окончательно. Скорее, до утра успеют задержать еще кого-то.

Телеграм прозвонил в свой гонг, и появилось еще одно сообщение: "Уважаемая Анастасия Платоновна! Поздравляю. Ваша анкета одобрена. Андрей Альбицкий".

Накрыли стол для поминок. Вера поставила винегрет, Кирилл Иванович открыл водку и разлил по рюмкам. Четверо живых: Андрей, Кирилл, Вера и Крис. Пятую стопку для Жени поставили на тарелку и накрыли куском черного хлеба.

— Он и не пил почти, — заметил Альбицкий.

— Ну, за помин души, — сказал Кир.

Выпили.

– Мне этого никогда не понять, – поморщился Крис.

– Да мне тоже не особо понять, – вздохнул Андрей. – Но не «Шабли» же пить за упокой.

Закусили черным хлебом с зернышками, который здесь почему-то считают французским, принялись за винегрет.

На мониторе ноутбука на соседнем столе шел стрим с похорон. Большую часть народа разогнали, но в разных частях Москвы еще продолжались столкновения с полицией, избиения и задержания. И цифра «ОВД-инфо» неумолимо приближалась к шести тысячам.

– Теперь из них сделают процентов десять уголовных дел, – сказал Альбицкий. – Ну, пять. Тремястами новыми политэками меня уже не удивишь. И я даже не трону их судей. Потому что не к смерти же они приговорят за прикосновение к полицейскому! А, если не к смерти, не стрелять же их всех. Они все такие! У меня столько исполнителей нет.

– Женя был замечательный, – сказал Крис. – И все еще можно было исправить.

– Крис, заткнись, а? – бросил Андрей. – Женька был лучше всех нас. И нечего там было править! Нечего, понимаешь. У меня, может быть, и есть. Вот скажи, почему я на это спокойно смотреть не могу? – и он кивнул в сторону экрана. – Все могут, все население России: 136 миллионов человек! Всем по хрен. А я не могу. И еще двести тысяч не могут, которые вышли на улицу. И, может быть, еще миллион, которые не вышли, а сидят дома и смотрят стрим. И чуть не ревут

над этим стримом. Но 135-ти миллионам все равно похуй.

– Так всегда было, и так всегда будет, – сказал Кирилл Иванович. – Народ в основном состоит из болота.

– Ты прям Экклезиаст с твоей депрессивной мудростью, – хмыкнул Андрей. – Нет, не всегда. В один прекрасный, ну или ужасный момент, срабатывает триггер революции. И этот народ выходит на улицу и остается там, а то и берется за оружие. Только не понимаю почему и не понимаю, когда. У Бутицкого что ли спросить? В терроризме он понимает, а в революциях? Верхи не могут, низы не хотят? Импотент на фригидной женщине? И в чем это выражается? Почему собственно верхи не могут? Вон там девяностолетний старик, пора бы уж не мочь. А ничего, сидит! На штыках не усидишь? Ничего высиживает. Может, задницу и колют, но это лучше, чем на них упасть.

Когда эти безмозглые парубки, которых привезли в богатую столицу избивать разжиревших москвичей, желающих странного, поймут, что не Москва виновата? Когда москвичи перестанут винить во всем тупую провинцию? Когда Дальний Восток перестанет ненавидеть Центр, а Центр – всех остальных, юг – перестанет ненавидеть север, а север – юг? Велика Россия: разделяй и властвуй!

– Поражение в войне, – сказала Вера. – Экономический кризис.

– Желать поражения собственной стране? Всегда осуждал за это большевиков. Не могу, неприемлемо. Или голода и ни-

щеты им желать, чтобы они проснулись?

– Так проснутся, что мало не покажется, – заметил Кир.

– Вот, да. Но чем позже рванет, тем хуже.

– Бывают и бархатные революции, – сказал Крис.

– Боюсь, что этот этап мы уже проскочили, – вздохнул Андрей. – Крис, может подлечишь меня, чтобы я мог на это смотреть?

– От этого точно лечить не буду, – усмехнулся Крис.

– Ампутация совести, – хмыкнула Вера.

– А как? – спросил Альбицкий. – Свести нужна благоприятная внешняя среда. Иначе она начинает убивать обладателя.

Раздался телефонный звонок. Андрей взял трубку.

– Это Бутицкий. Андрей, вы меня помните?

Легок на помине!

– Да, Игорь Юрьевич, конечно.

– Я знаю про Женю. Приятный парень. Мне ужасно жаль.

– Спасибо за сочувствие, – вздохнул Альбицкий.

– Ваше предложение еще в силе? – спросил профессор.

– По поводу суда присяжных? Конечно.

– Я согласен.

Утро после похорон принесло новую порцию дурных вестей.

В редакции студенческого журнала «Гаудеамус», который вел стрим с кладбища, прошли обыски. И дома у сотрудни-

ков – тоже. У главного редактора оперативники перерыли библиотеку, перетряхнули книги, и все возмущались, зачем столько книг.

Двух девушек и двух парней тут же задержали и увезли на допрос на Лубянку. К обеду выяснилось, что предъявляют оправдание терроризма за тот самый стрим.

«Гаудеамус» всегда казался Андрею довольно безобидным молодежным журнальчиком с некоторым уклоном в правозащиту. Обсуждали преподавателей, сплагииаченные диссертации, коррупцию в вузах и пристаивания к студенткам, а авторов и редакторов женского пола неизменно называли «авторками» и «редакторками» из уважения к их феминизму.

Андрея это слегка смешило, но не раздражало. На донейты он, конечно, был подписан, и в тексты иногда заглядывал, но главным образом для того, чтобы снова почувствовать себя юным студияозусом и быть в курсе молодежных веяний.

А, тут, как снег на голову!

На следующий день молниеносно провели суды по мере пресечения, и ребят закрыли в Лефортово.

Они шли по коридору суда в наручниках, с просветленными одухотворенными лицами молодых русских интеллигентов.

И Андрей не мог на это смотреть.

Судья Мизинцева Лариса Алексеевна стучала каблучками

по парковке Мосгорсуда, направляясь к своей машине. Сегодня был не такой уж загруженный день: два апеля. Первый утром в десять, второй в три. Ничего сложного в них не было, все бумаги из районных судов оформлены, как надо, так что оставалось только утвердить решения.

Но это сегодня! Через месяц-другой будет аврал. Два дня назад во время очередных беспорядков задержали кучу народа. Пока эти дела в районных судах, но в декабре дойдут до городского.

И на дачу-то не съездишь! Холодно, конечно, но у нее зимний коттедж с центральным отоплением, единым для дачного поселка, так что и зимой хорошо: снег, воздух, треск дров в камине.

Она ненавидела всех этих бузотеров и политоту: одна либерастия и гон на Россию. И что людям дома не сидится? Лучше бы работали, чем на демонстрациях драться с полицией! Один геморрой от них. И чего хотят – непонятно! Голода нет, магазины полны. Напридумывали себе идиотской прозападной херни! Свободы какие-то! Да нахуя они нужны?

Вот при Сталине пикнуть бы не посмели, не то, что на улицу выйти. И не было никаких репрессий. Да и расстреливали еще мало. Они же враги! Думали, они будут анекдоты травить, а власть – терпеть? Нечего языки распускать! Сами наравались. В лагерях их сгноили? Так эти паршивые интеллигенты за всю жизнь ничего тяжелее чашки с кофе в руках не держали! Лес валить – не бумагу марать!

Лучший был правитель России! И в войне победил без всякого Запада. Либералы эти все с Гитлером были, ходили в крестовый поход, чтобы уничтожить нашу Родину. А мы спасли цивилизацию и можем повторить.

И вообще нам нужны не великие потрясения, а Великая Россия.

После приговора мальчишке-убийце Ларисе Алексеев-не предоставили государственную защиту. Хорошие ребята: Саша, Леша, Миша. Все трое такие статные, высокие, в форме и в бронежилетах. Все время ее охраняли и возле суда, и у дома, и даже как-то сопровождали на дачу.

И такие обходительные! «Лариса Алексеевна, вы подождите здесь, мы пойдем вперед проверим обстановку, посмотрим, нет ли снайперов».

Ощущение выстрела в спину было, конечно. Но не так, чтоб очень. После приговора прошло больше четырех месяцев. И после объявления о казни уже пять дней. И все тихо-тихо...

Может, террористы поняли, что она не при чем. Она-то что сделала? Просто утвердила приговор, спущенный сверху. Там даже полный текст был. Прислали по мессенджеру.

Она села в автомобиль. Ребятки загрузились в машину сопровождения.

Посмотрела на себя в зеркало: крашенные под блондинку завитые волосы, полное лицо и пока еще мало морщин. Очень прилично для пятидесяти лет.

Поставила машину на автопилот и коснулась на навигаторе иконки «дом».

Теперь можно и подремать. Шесть вечера, а темно совсем. Декабрь, темнеет рано. Только огни города мешают уснуть.

Правда, и холодновато в машине. Но климат-контроль уже включился, сейчас станет тепло.

Когда выехали на Преображенскую, в салоне появился слабый запах миндаля. Откуда интересно? Может, стеклоомывайка с отдушкой?

Начался дождь, и действительно включились дворники.

Запах миндаля усиливался. Рот наполнился слюной. Она достала упаковку бумажных платков, но пальцы не слушались: еле открыла.

В горле запершило, она кашлянула.

Стало душно и ужасно трудно дышать. Срочно выключить кондиционер и открыть окна! Настежь, несмотря на холод и дождь, нараспашку, до конца! Пальцы легли на кнопку, кажется, даже смогли надавить, но ничего не произошло: стекла не подавались, как примерзли.

И она совершенно четко поняла, что умирает.

Звонил Семен. Платон нехотя взял трубку.

– Ты знаешь, что с Мизинцевой? – сходу начал он.

– Это судья Мосгорсуда? И что с ней?

– Убита. Полчаса назад.

– А как же госзащита? У нее же охрана должна быть? Пом-

нится, ты мне тоже предлагал.

– Ее вытащили из машины уже мертвой.

– Как так? Супернадежная госзащита! И как ее убили?

– Синильная кислота, по-видимому. Судя по резкому запаху миндаля от трупа. Или что-то похожее.

– Андрей Аркадьевич становится банальным. Прямо классика. А откуда там взялась синильная кислота?

– То ли из бочка для стеклоомывайки, то из климат-контроля. Ждем результаты экспертизы.

– Из кондея. Стеклоомывайка не их стиль, она же поверх стекла: открытое пространство – неэффективно, к тому же еще кто-то может пострадать, а значит, неправильно. Альбицкий держит слово.

– Платон, следующий я.

– Да, помню. Он обещал, что вы с ней не переживете Соболева больше, чем на неделю.

– Платон! Осталось два дня.

– Понимаю, сочувствую. А причем тут я?

– Я предлагаю тебе вернуться.

– Что больше никто поймать не может?

– Может, и поймают, но ты поймаешь точно.

– Нет, Семен, я сейчас занят. Знаешь, после того как ты меня выгнал, я два месяца искал работу. И знаешь, нашел. Все ок, в угрозыске. Задница, правда, замкадье, приходится в шесть утра вставать, чтобы до туда доехать, но ничего потерплю. И терять работу опять не собираюсь.

– Карманников ловишь?

– Ну, почему? Убойный отдел. У нас, кажется, маньяк за-  
велся. Девочку нашли мертвой, двенадцати лет. Так что из-  
вини, мне надо маньяка искать.

– Без тебя не найдут?

– Ну, почему? И без меня нашли. Бывшего нарка. И заме-  
ли только потому, что судим. Ну, они ему пакет на голову,  
как это у нас принято, он им во всем и сознался, потом по-  
вторил на камеру. А потом еще одна девчушка там же еле но-  
ги унесла. Ну, мамочки собрались и стали возмущаться. На-  
родный сход. Начальство плюнуло и смирилось с моей кан-  
дидатурой. Так что я нечто вроде американского шерифа –  
почти народный следователь. Только я руководству сразу по-  
ставил условие: я посажу только того, кто действительно ви-  
новат, и только за то, в чем он действительно виноват. А ина-  
че – ловите сами. Вроде, пока не доебываются.

– И у нас посадишь того, кто виноват.

– За то, в чем виноват? Нет уж, извини, мне одного Собо-  
лева хватило. Здесь я хоть понимаю, на чьей стороне прав-  
да. Да и дело не политическое, есть надежда, что решат по  
закону.

– И у нас по закону. Что Соболев убийцей не был?

– Был, и Марков все решил, как надо. Строго, но как надо.  
Они даже апеллировать не стали. Он бы за его двадцатник  
десять раз все понял. Не безнадежный был парень совсем.  
Зачем вам понадобилось его убивать? Смертная казнь после

коррекции. Как бы совсем по закону! Ну, теперь огребайте!

– Мне жить осталось два дня! Может быть, я уже отравлен!

– И что? Это все вы устроили с вашими политическими делами. То, что здесь следствие ведут с помощью полиэтиленового пакета и электрошокера – это я прекрасно понимаю, ну, хочется побыстрее негодая поймать и успокоить мамочек. Но я его отправил к психологам. Он мне: "Конечно, конечно, Платон Савельевич, спасибо, какую хотите согласку, в прошлый раз все было норм". Ну, и звоню я им потом, спрашиваю: "Ну, как, парень виноват?" А они в ответ тоже спрашивают: "Что нам писать?" Я им: "Я что ли психолог?" Они: "Ну, какова позиция следствия?" Спрашиваю: "А, что у него на карте-то?" "Ничего", – говорят. "Ну, так и пишите". "А можно?" "Нужно", – говорю. А то был бы второй Дамир. Только Лига не стала бы за него заступаться.

– Ну, мы-то тут причем, Платон? Оба приговора спустили сверху: и по Рашитову, и по Соболеву.

– Маркову, может, тоже спускали, только ему бесполезно что-то спускать.

– Так Маркову и не спускают. Он для особых случаев.

– Да, не только вы виноваты. Народ тоже хорош. Знаешь, как мамочки считают? А так: ты, Платон, настоящего маньяка поймай, а этого парня тоже посади для успокоения наших нервов, потому что он тоже там рядом крутился, и не бывает дыма без огня. "У него карта чистая", – говорю. "Ну, и что,

– отвечают. – Знаем мы эти карты, им верить нельзя, бредятине американской, а ты уж посади его, Платон, он же нарк и сидел". Так что я его в ПЦ держу, чтобы мамочки не разорвали за компанию с маньяком.

– И что ты этим хочешь сказать?

– Только то, что нашему народу процедура совершенно пофиг, не понимает он процедуры. Свидетели, экспертизы, адвокаты какие-то! Отмени Сам Знаешь Кто право на всей территории России одним указом, и никто не заметит.

– Платон, меня хотят убить, а ты мне тут полчаса сказки рассказываешь!

– Так я и объясняю, почему тебя хотят убить и почему именно я не стану тебя спасать.

– Ладно, я услышал, – вздохнул Семен и бросил трубку.

На мониторе у него был список Лиги. Напротив его имени и фамилии стояло: "Приговор окончательный, обжалованию не подлежит". Эта надпись появилась после приведения в исполнение приговора Соболеву. До этого была более оптимистичная "В работе". И сноска: "Если вы осуждены по этому делу, Вы или Ваш адвокат может связаться с нами по адресу". И электронная почта с британским доменом.

Но до смерти Мизинцевой он не был склонен воспринимать это всерьез. Госзащита же!

Толку оказалось от этой госзащиты!

Может, все-таки попробовать? И он написал, что решение по Соболеву было спущено сверху из генпрокуратуры Моск-

вы, что начальство приказало, и что он тут совершенно не при чем.

Ответ пришел в тот же вечер: «К сожалению, все сроки апелляции на приговор по вашему делу прошли, а представленная вами информация является очевидной и общеизвестной и не может быть основанием для смягчения приговора. Если у вас есть документы, подтверждающие ваши слова, мы можем их рассмотреть».

Ну, какие документы! Кто ж это в документах пишет!

На следующий день он не решился выходить из дома. Позвонил на работу и сказался больным.

По магазинам ходила жена, он никому не открывал дверь и старался не подходить к окнам. Через день была пятница, но он не решился ехать на дачу.

В полночь он был еще жив, что говорило в пользу избранной тактики.

Неделя после смерти Соболева прошла. Но приговор в списке Лиги висел по-прежнему.

Со следующей недели он взял отпуск за свой счет.

Лига молчала. Никто не стрелял по окнам и не подкладывал бомбы под дверь.

Так он прожил еще неделю, боясь даже выносить мусор.

В конце второй недели этого добровольного домашнего ареста позвонили с НТВ.

– Мы снимаем сюжет о том, что Лига не так страшна, – сказал милый девичий голос. – Что при наличии госзащиты

можно спокойно жить и работать, даже если объявлен приговор. Альбицкий же поклялся, что вы Соболева на неделю не переживете, а прошло уже три.

– Чем вы можете доказать, что вы с НТВ?

– Давайте так, через неделю мы выпустим первую часть программы про тех, кто в списке, и прекрасно живут. А интервью вы нам дадите потом, для продолжения.

– Только я к вам не поеду. Если сможете, приезжайте ко мне.

– Приедем. Мы тогда используем ваши старые видеозаписи?

– Хорошо.

Чекмарев перезвонил на работу.

– Что там за история с НТВ? – спросил он.

– Хорошо, что ты позвонил Семен. Приказ начальства. Просили посодействовать журналистам. Но ты можешь дома сидеть. Сказали, что возьмут записи.

В субботу на НТВ действительно был сюжет под названием «Липовый список». И там были съемки какого-то корпоратива, трехлетней кажется давности, с его участием.

«Прокурор Семен Григорьевич Чекмарев, – говорил диктор за кадром, – приговоренный Лигой к смерти, спокойно ходит на работу и отмечает праздники в компании сослуживцев, хотя лидер террористов Альбицкий обещал убить его еще три недели назад».

Ни судья Мизинцева, ни судья Кабанов, ни прокурор Бон-

дарь, ни следователи Кивалин и Маленький в программе не упоминались.

Девушка с НТВ позвонила в тот же вечер.

– Ну, как? Дадите интервью?

– Ну, хорошо. Только у меня дома, как договорились.

– Конечно, конечно. В среду в двенадцать будет удобно?

– Да, приходите.

В среду, ровно в двенадцать ему позвонили в дверь.

Он подошел и аккуратно посмотрел в глазок.

Там стояла симпатичная девушка с большими темными глазами и короткой стрижкой и держала в руке зеленый микрофон с надписью: «НТВ». Совсем молоденькая, лет двадцати. Она показалась Семену смутно знакомой.

С девушкой был парень ее возраста. Тоже темноволосый и на голову выше нее.

– Это НТВ, – сказала девушка. – Мы с вами договаривались.

Парень кивнул и интеллигентно улыбнулся.

И Семен открыл дверь.

## Глава 4

Ребята вошли, втащили микрофон на стойке и какие-то футляры.

– У нас тут оборудование, – извиняющимся тоном сказал парень.

Девушка прикрыла дверь.

Начала расстегивать черную зимнюю куртку, и Семен заметил, что рука у нее в тонкой кожаной перчатке.

Ну, да! Что тут удивительного? Зима же, декабрь.

Только перчатка слишком тонкая для декабря.

Молния дошла до нижней точки, куртка распахнулась, и девушка выхватила пистолет с глушителем и тут же выстрелила.

Его толкнуло чем-то в живот и обожгло болью. Он закричал, попытался отступить на шаг и со стоном упал на пол.

– Настён, что ты делаешь? – ровным голосом спросил парень. – Его никто не приговаривал к квалифицированной смертной казни. Смерть осужденного должна быть легкой и быстрой. Тебя Альбицкий уродет! Сейчас еще соседи сбегутся на крик!

– Если бы у нас соседи сбегались на крики, мы бы жили в другом обществе, – заметила девица. – Успокойся, Серж, все будут сидеть по своим норам. Тем более, что будни, двенадцать часов. Кто сбежится-то?

И она выстрелила прокурору в живот еще раз, вторая пуля прошла на десять сантиметров выше первой.

Боль стала невыносимой, потемнело в глазах.

– Я мечтала, чтобы он горел в аду, – сказала та, которую называли «Настеной», – и я хочу на это полюбоваться.

Парень так же хладнокровно вынул пистолет и прицелился ему в голову.

– Пощадите, – слабо прошептал он.

– А ты, Женьку Соболева пощадил, мерзавец? – спросила девица.

И мир исчез.

В виске у прокурора зияла обугленная по краям дыра, вторую половину черепа разнесло полностью, весь коридор за ним был залит кровью.

– Чтобы я еще раз бабу взял на акцию! – сказал Серж. – Да еще с мотивом личной мести.

– А что не так? – спросила Настя. – Говорят, в такие моменты, вроде бы рвать должно, а меня даже не тошнит. Только какая-то пустота внутри.

– Бабы крови не боятся, – прокомментировал Серж. – Ты прекрасно поняла, что не так.

– Еще раз скажешь «баба», и я тебя побью, – пригрозила Настя.

– Не время. У нас через час самолет. Воспитывать тебя по дороге буду.

Она хмыкнула.

Все оставили, как было: труп, микрофон, пистолеты, пу-  
стые футляры, в которых якобы было оборудование для  
съемки.

Закрыли дверь, вышли и спустились по лестнице.

На другой стороне переулкa стояла машина полиции, ви-  
димо, госзащита. Полицейские покуривали рядом, но не об-  
ратили ни малейшего внимания на юношу и девушку, дер-  
жавшихся за руки.

Они ушли дворами и дважды сменили машину прежде,  
чем оказались в Домодедово. На рейс «Москва-Вильнюс» за-  
регистривались в последний момент и сразу прошли к гей-  
там.

Самолет вырулил на взлетную полосу, разогнался, ото-  
рвался от земли и закачался на воздушном потоке.

– Слава Богу! – тихо сказал Серж.

– Не торопись, – шепнула она. – Самолеты тоже возвра-  
щают.

Они вышли на эшелон, на стандартную высоту в десять  
километров, и облака раскинулись внизу заснеженными по-  
лями.

– Все жду не дождусь, когда же ты начнешь меня воспи-  
тывать, – сказала Настя.

– Настён, ну, так нельзя, мы же вершим правосудие, а не  
ловим кайф от мести...

– Почему бы не совместить?

– Потому что опасно. Андрей поклялся, что больше ни одного человека не потеряет!

– Надеюсь, долетим.

– Слушай, у меня к тебе предложение...

– Да?

– Выходи за меня замуж...

– Ну, ты даешь! Вдов утешают в постели, да? Месяца не прошло, поимел бы совесть!

– Предложение бессрочное.

– У тебя нет шансов, ты сексист. Женьке бы в голову не пришло сказать про «бабу» и «акцию».

– Да? Буду исправляться.

– А откуда наши узнали про передачу на НТВ?

– Не знаю. Вопрос к аналитикам, кто-то слил.

– По-моему, он узнал меня.

– Вы были знакомы?

– Они же с отцом вместе работали. Как-то был у нас в гостях, несколько лет назад, я еще в школе училась. Мама его борщом кормила, мужикам ставили водку, мы ели торт.

– Тебе это тяжело?

– Нет, Серж. Мне легко. Наконец-то!

Они проболтали так до посадки, стресс постепенно отпустил.

В пятнадцать десять самолет благополучно приземлился в Вильнюсе.

О смерти прокурора стало известно только вечером, когда

его жена вернулась с работы и нашла тело и залитую кровью квартиру.

А Настя с Сережей гуляли по украшенному предновогодней иллюминацией, заснеженному, сказочному Вильнюсу.

Была весна, в Лондоне зацвели вишни. Год назад Женя еще был жив, еще в ПЦ, еще была надежда.

Сегодня Андрей провожал Веру в Москву.

Лондонский аэропорт всегда поражал его циклопическими размерами и наличием специального транспорта для передвижения между терминалами.

Она зарегистрировалась на рейс еще дома, по интернету, так что он сразу проводил ее к зоне таможенного контроля.

– Если ты останешься, я пойму, – тихо сказал он.

– Андрей, ну, как ты можешь такое говорить? Я готовилась к этому полтора года!

– То, что мы собираемся сделать, имеет только моральное значение. Это только казнь преступника и больше ничего. Вряд ли это сработает как «черный лебедь». Возможно, мы сделаем хуже.

– Куда уж!

– Массовых репрессий нет.

– Несколько тысяч политзаключенных – это не репрессии?

– Нет. Массовые – это миллионы.

– Тираны не должны умирать в своей постели!

– Только ни шагу без приказа Лиги, – тихо сказал он.

– Клянусь, – улыбнулась она.

Очень нежно и совершенно не сексуально поцеловала его в щеку и пошла к гейтам.

В конце декабря, перед самым Новым годом, диктатору поставили кардиостимулятор. В государственных СМИ об этом не было ни слова, Андрей узнал по своим каналам.

Да, у нацлидера был инфаркт, который примерно совпал со временем казни прокурора Чекмарева. Значит, дошла информация до светлейших ушей. Значит, зассал. Значит, понял, кто следующий.

Пора бы уж, конечно, иметь проблемы с сердцем в его-то возрасте: в октябре ему исполнилось девяносто пять.

Тип и производителя кардиостимулятора Андрею слили еще зимой, а месяц назад достали коды, а значит, можно залезть в программу.

Всякий искусственный интеллект – это уязвимость. Андрей не сомневался, что диктатор предпочел бы железную болванку полувековой давности без всяких мозгов, но таких давно не производили.

Однако, никакой связи с сетью кардиостимулятор солнцеликого не имел. Чтобы залезть в его программу надо было находиться на расстоянии максимум в метр.

Легенда Веры казалась железной. Совершенно настоящий медицинский диплом на имя Анны Есиповой (на сайте меда

инфу чуть-чуть подредактировали), совершенно настоящий сертификат мастера тайского массажа из Таиланда.

А то, что кроме Таиланда, Вера была еще в Чехии и в Лондоне, так это еще надо нарыть. По этим маршрутам ездила не Анна Есипова, а Вера Лурье.

Ни правозащитой, как Женя, ни перепиской с политзаключенными, как Настя Зотова, Аня Есипова не занималась, да и Веру Лурье еще поискать. К тому же первая блондинка, а вторая брюнетка.

Из двадцати пяти резиденций диктатора уязвимость нашли только в одной: на Валдае. Зато это была одна из любимых резиденций. Кремлевский старец бывал там регулярно.

Именно в этой резиденции в ФСО у Лиги был свой человек, на которого надеялись в деле устройства Веры на работу. Он обещал ее рекомендовать и проследить, чтобы остальные не слишком любопытствовали по ее поводу.

Конечно, это могла быть ловушка.

Так что Андрей ждал ответа Веры с содроганием.

Ответ пришел через неделю:

«Ок. На работу устроилась. Правда, ни места врача, ни места косметолога, ни медсестры, ни массажистки для меня не нашлось. Предложили место уборщицы».

«Ты согласилась?»

«Конечно».

«Они не удивились?»

«Не особенно. Здесь уборщица получает, как столичный

врач. А я сказала, что готова работать уборщицей лишь бы быть поближе к нацлидеру».

«И ведь не солгала!»

Андрею так было даже спокойнее. Мысль о том, что эти старики-похабычи во главе с тираном будут лапать Веру была для него крайне неприятной. Уж лучше уборщицей.

Потянулись недели ожидания.

В первый раз старик приехал туда примерно через месяц, но всего на пару дней, и тогда дежурила другая девушка. Потом еще раз, но в это время Вере приказали убираться в китайском чайном домике, а диктатор остановился в главном особняке с парадной лестницей и широкими террасами с мраморными балюстрадами и позолоченными унитазами. Пристрастие старика к роскоши доходило до смешного.

Идеально было бы проникнуть в его трехэтажный СПА-комплекс с грязевыми ваннами и массажными комнатами, но там Вера оказывалась только в те дни, когда диктатора не было в резиденции. Зато изучила обстановку.

Впрочем, аналитики изменили план операции, и место стало не столь важно.

Уж, не дать ли ему умереть своей смертью? Ну, сколько он еще проживет?

Пять лет? Десять? Ну, да, живут и до ста пятинадцати, но чаще женщины, чем мужчины.

Но неизвестно, скольких еще он успеет забрать с собой. Западнее Смоленска собирались войска. Скорее всего,

мишенью была назначена Белоруссия, несколько лет назад освободившаяся от верного Кремлю доморощенного тирана, развернувшая «Погоню» над государственными зданиями, и активно стремящаяся в Евросоюз.

С меньшей вероятностью «нацлидер» возмечтал вернуть в родной рабское стойло давно и успешно отколовшуюся Прибалтику.

На всякий случай, Андрей приказал Прибалтийской группе Лиги переехать в Лондон. Так что накануне уже обнимал в Хитроу Настю и Сергея. Их это здорово обломало, в Литве им нравилось.

Похоронки и гробы ждали русских матерей при любом направлении удара. И еще неизвестно, что лучше: Белорусские партизаны или Латышские стрелки.

Тирана всю жизнь, ну, конечно, кроме золотых унитазов, привлекал титул собирателя земли русской. К сожалению, глубинный народ был с ним совершенно солидарен, и в случае собирания этих самых земель, смачно плевал на затворение страны «аки твердыни адовой» или цинковые гробы, пока их было не слишком много.

Собранные земли потом благополучно зарастали Иванчаем, а потешивший самолюбие народ не имел денег, чтобы до них доехать, зато тиран вписывал свое имя в учебники истории и, видимо, надеялся, что золотыми буквами.

У Андрея было другое тщеславие: остановить войну.

Пока «маленькие и победоносные» неизменно сходили

тирану с рук, но это не могло продолжаться бесконечно. Каждая новая война грозила оказаться не маленькой и не победоносной.

Да, после не маленькой и не победоносной с неизбежностью снега зимой должна была начаться революция, но Андрей сомневался, что хочет этого. Революция – это слишком травматично. Он никогда не считал себя особенным революционером. Да, конечно, эволюция лучше. Но, что делать, если правительство перекрывает все пути эволюции?

Тогда рванет. И совершенно не гарантированно, что глупый народ, любящий собирание земель, установит в России умеренный прозападный либерализм с независимым судом, сменяемостью власти и культом идеи справедливости. Как бы ни что похуже! Да и представления о справедливости у народа специфические.

Как бы ни русский бунт, а потом термидор на семьдесят лет! Все отнять, все поделить и «Ты, чего, самый умный что ли?» И снова господство Шариковых.

Как будто сейчас не оно!

Иногда революция – лучший выход, когда без нее только гнилое болото, но как бы остановиться на февральской?

Смерть диктатора казалась избавлением, но вела к крайней нестабильности. Слишком рискованно, и не только для Лиги, но и для страны.

Был самый конец апреля, но весна выдалась ранняя: на

липах вдоль Тверской уже проклюнулись первые листочки, светило солнце, и температура была 20 градусов.

Штерн ехал к повороту в Благовещенский, как три года назад, когда впервые увидел Альбицкого и узнал о существовании Лиги.

Это были очень горькие три года. Он пережил две смерти молодых парней (да что там, мальчишек!) за которых боролся и проиграл.

И неизвестно, чья обошлась ему дороже и была горше. Дамир был обычным талантливым мальчиком из хорошей семьи, и то, что он сделал, ни в одной нормальной стране не стоило бы ему больше бана в соцсети. Дамир даже не унижал никого и ни к чему не призывал.

Но спасти его не удалось.

Женя отличался от Дамира только обостренным чувством справедливости. Да, к нему были вопросы. Но, чем дальше, тем более Олег разочаровывался в ненасильственном пути. Хотя всегда считал себя и насилие чем-то абсолютно несоместимым.

И Женю тоже не удалось спасти.

Олегу казалось, что он где-то недожал, недоработал, опустил руки. И хотелось орать от отчаянья.

За эти три года произошло так много и, кажется, ничего не изменилось.

Те же розовые яблони на Маяковской. Те же плетеные качели на длинных тяжелых цепях.

Та же Москва, тот же поворот, тот же офис и похожие клиенты.

Две недели назад к Олегу домой приходила полиция. Точнее двое: один полицейский в форме и один молодой человек в черной куртке. Первый представился новым участковым, его спутник не представился вовсе.

Полицейский сказал, что знакомится с жителями.

Штерн подивился тому, что за двадцать лет, что он живет в этом доме, нашелся один участковый, который не поленился знакомиться и похвалил его за ответственное поведение.

Тот спросил, нет ли жалоб, хорошие ли соседи.

– Да, все слава Богу, – сказал Штерн, – все люди хорошие, со всеми мирно живем, ни с кем ни ссоримся. Да и какой здесь криминал, дом-то небедный? У нас охрана, чистота, цветы на почтовых ящиках. И все работают: субмиддел и миддел класс. Преступность не у нас надо искать.

– Ну, знаете, всякое бывает, и в богатых домах, – сказал участковый и оставил телефон.

Штерн записал и сказал: "Спасибо".

И ведь знали, куда прийти. Почти год Штерн жил на московской квартире, выезжая в Лесной только на праздники, чтобы не мотаться из Подмосковья в Благовещенский.

Олег написал Альбицкому и рассказал про полицейский визит.

"Уезжайте немедленно, – ответил Альбицкий. – Бегите! Они к вам пришли, а не сразу задержали, потому что позво-

ляют вам уехать. Пока!»

«Андрей, а почему сейчас? Почти год все было спокойно».

«Может, копили материал. Может, зачистка перед войной. Неважно! Всю переписку со мной сотрите. Прямо сейчас! У вас что-то сохранилось? Телефон запаролен? Все равно сотрите!"

Штерн никогда не ставил пароли на гаджеты. Зачем? То, что он говорил на своей кухне, никогда принципиально не отличалось от того, что он писал в соцсетях.

Переписку он стер, но словно себя стирал. Она была ему дорога. Как память о Жене что ли...

Но уехать! Ну, он же не один, у него семья: жена, дети. Дети, правда, взрослые (сын и дочь), но все равно, как их бросишь? И престарелая мать, ее же не потащишь с собой в другую страну.

Рено Олега медленно вползало в Благовещенский.

У поворота в арку ждала полиция. Сразу три машины! Две у обочины и одна перекрывала проезд к офису.

Ему приказали остановиться.

Он опустил стекло, вопросительно посмотрел на полицейского.

– В чем дело?

– Штерн Олег Николаевич?

– Да.

– Выходите из машины!

С полицейским был тот самый парень, который приходил к нему с участковым.

Он показал удостоверение СБ. «Васин» какой-то.

– Вы поедите с нами, – сказал СБшник. – Отдайте телефон.

Он отдал.

Его не слишком вежливо затолкали в машину полиции и повезли в направлении Садового.

Относительно пункта назначения иллюзий у Штерна не было.

– Могу я позвонить адвокату? – спросил Олег.

– Как следователь скажет, – сказал Васин.

Ну, до Лубянки недалеко.

Следователем оказался нескладный парень лет тридцати.

– У меня есть право на звонок, – заметил Штерн.

– Ну, ладно, звоните. Пять минут.

И он отдал телефон Олегу.

Адвокату он дозвонился не сразу, и больше всего боялся, что телефон отберут.

Наконец, получилось.

– Извини, Олег, что не сразу взял, – сказал Герман. – Мне Леша позвонил. У тебя в офисе обыск. Так что я на Благовещенском.

– Меня задержали. Я на Лубянке. Сможешь приехать?

– Либо здесь, либо там. Лучше бы посмотреть за обыском, еще подбросят что-нибудь. Возьми 51-ю.

– Сможешь Левиеву позвонить?

– Понял, сделаю.

И телефон вернулся к следователю.

– Как вас зовут? – спросил Штерн.

– Степан Максимович.

– Чем обязан?

– Расскажите, как вы готовили побег для Евгения Соболева.

## Глава 5

- Побег? Понятно. Статья 51-я.
- Отказываетесь от дачи показаний?
- Да.

Левиев приехал часа через два, объяснил, что был в суде.

Штерна официально не задержали, но и не отпустили.

Следователь по десять раз так и эдак задавал одни и те же вопросы, а Олег отвечал всегда одинаково: «Статья 51-я».

Вряд ли они чего-то не знают, но он принципиально не хотел им помогать.

Поговорить наедине с адвокатом ему дали.

- У вас в Лесном обыск, – сказал Петр Михайлович. –

Звонила ваша жена.

- Всю технику забрали?

Петя подмигнул и усмехнулся.

- Еще обыск у вашей дочери.

– Господи! Катя-то тут причем? Она пять лет живет отдельно.

Левиев вздохнул.

- Там похоже забрали все.

Все – это значит, телефоны, компьютеры и наличные.

Причем, не разбирая, кто виноват, у всех членов семьи.

- И у сына, – продолжил Левиев.

Сын снимал квартиру в Долгопе, где работал программистом.

стом.

- Он-то им зачем?
- Олег Николаевич, ну, как зачем? Пограбить!
- А дома что? На московской квартире? – спросил Штерн.
- Пока не был, заеду обязательно.
- Они могут в отсутствии хозяина обыскать?
- Они все могут.
- Петь, мне кажется, что три года назад было приличнее.

Или это иллюзия?

– Да, пожалуй. Сегодня обыски и аресты по всей Москве. Гребут всех, кто имел хоть малейшее отношение к оппозиции.

– Зачистка перед войной?

– Может еще перед так называемыми выборами. У них ведь осенью очередной карнавал на пеньках. Вот и метут заранее.

– Спрашивали про Женин побег. Наверное, Юдин дал развернутые показания.

– Может быть, но не факт. Женя отказался отвечать. Его пытались опрашивать без адвоката. Но потом нам дали встретиться, и он об этом сказал.

– Я взял 51-ю.

– Думаю, правильно. Но закроют.

– Ничего, посмотрю на Лефортово изнутри.

Вечером он уже входил в камеру ИВС.

Ничего здесь не изменилось, все точно также, как расска-

зывали сотни его пациентов: гнилой матрас, железный остов кровати, тусклая лампочка под потолком и дрянная еда.

Суд по мере пресечения ожидался только после праздников.

В камере он был один.

Отгремела салютами очередная годовщина победы. Расцвела черемуха в Валдайских лесах. Распустились на берегах первые листочки. Стало тепло: днем градусов двадцать. Но ночью все равно вплоть до инея на траве, и вода в озерах холодна, как лед.

Лиге слили очередную инфу: диктатор приедет порыбачить.

Завтра утром Вере приказали убраться в зале для массажа. Вот оно! Да, массажистка будет другая, но не зря же Вера носит на шее образок Богородицы Семистрельной и старательно изображает верующую.

Даже съездила в Иверский монастырь, накинув на непокорные кудри ненавистный цветастый платок, и надев не менее ненавистную длинную юбку.

Монастырь оказался единственным прилично отреставрированным комплексом зданий в окрестностях Валдая. Остальное шокировало и вгоняло в депрессию: дома с облупившейся штукатуркой и полуразрушенными кирпичными стенами, покосившиеся избы двухвековой постройки, разрушенные церкви без крыш и разбитые дороги, по которым

можно проехать только на джипе и то не в любое время года. Ну, да, уже сухо, май. Дороги стали преодолимы. Словно девятнадцатый век на Руси, а не двадцать первый.

Вера родилась в небедной московской семье университетской профессуры и известных врачей, и никогда даже близко не видела подобной нищеты и разрухи. Все ее претензии к власти тоже были чисто интеллигентскими: несправедливость и несвобода. И еще невостребованность, невозможность соработничества, участия в возведении здания-государства. Ну, что здесь строить: яхты и дворцы для нацлидера?

Только теория малых дел. Но это такое же штопанье дырявого кафтана, как правозащита, о чем когда-то говорил Женья. Нет благоприятной внешней среды. Каждое малое дело, как подвиг, а выхлоп от него – пшик. Да и тюрьма с сумой все равно найдут героя.

Разве что вышивать крестиком да писать книжки для себя, правда и последнее уже небезопасно.

Близился закат. Вера вышла к озеру. Солнце еще горело зеленым пламенем сквозь листву.

Как же здесь все невообразимо прекрасно: весенний лес, вода, небо: уже вечернее, оранжевое с голубым. Может быть это ее последняя весна, если не последний день на свободе.

На следующее утро она встала в шесть и пошла убираться в массажный блок.

Ее несколько смешила его нежно-сиреневая гамма, как на рекламе женских прокладок. Стену украшало мозаичное панно с огромными белыми орхидеями на фиолетовом фоне, довольно вульгарное, в духе цыганского барокко девяностых.

Она опустилась на колени рядом с деревянным подиумом для тайского массажа и начала протирать с него пыль. Здесь точно нет камер, зачем нацидлеру камеры в таком месте?

И она сняла медальон с богородицей и сунула его под подиум, подальше, чтобы не заметили.

Все! Дело было сделано. Теперь только надеяться на удачу.

Вера вернулась в свою маленькую комнатку в доме для прислуги, забралась с ногами на кровать и достала смартфон.

«Готово, – написала она Альбицкому. – Жду».

Фюрер прилетел только к обеду, о чем возвестил гул вертолета. Диктатор не любил рано вставать и опаздывал на все встречи без исключения.

«Приземлились, – писал Андрей. – Идут в ресторан».

В ресторане пробыли часа три, потом была вечерняя прогулка и катание на лодке. В массажном блоке кремлевский старец оказался только в половине десятого вечера.

И иконка медальона ожила у Веры на смартфоне: «Контакт установлен, пароли введены». Самая простая иконка: белый квадрат в оранжевом кружке, легко перепутать с «сообщениями» и «файлами». Надо знать, чтобы заметить.

"Коды+", – выдала сообщение иконка медальона.

Вера смотрела на это с замиранием сердца.

"Коды введены", – дoloжила она Альбицкому.

Нацлидер разлегся на мате для тайского массажа. Он предпочитал королевский тайский массаж, чтобы сразу две девочки и исключительно на коленях. И девочки должны быть исключительно из Таиланда. Наши так не умеют. Даже, если выучат все пути праны и энергетические точки. Даже, если будут гнуть спину, льстить и угождать, у них всегда кукиш в кармане. Мило улыбаются и тихо ненавидят.

А этим что ненавидеть? Они здесь не живут.

Ему рекомендовали новенькую русскую блондинку с тайским дипломом массажистки и красным дипломом врача-косметолога. Симпатичная, но нет этой очаровательной покорности и милой застенчивости во взгляде и услужливости в каждом движении.

Да и умная больно. Пусть грязь повозит.

Может быть... Когда-нибудь....

Тайские девочки встали на колени слева и справа от него, четыре нежные ручки коснулись его ног, надавили на только им известные точки и начали двигаться вверх.

Плохо стало почти сразу.

Навалилась слабость, потемнело в глазах.

– Сердце, – простонал он. – Врача!

Тайки вскочили на ноги.

Мобильников диктатор боялся, как огня. С мобильного можно ввести коды кардиостимулятора. Поэтому перед входом в святая святых массажного зала мобильники оставляли на охране.

И у тайских массажисток телефонов не было. Одна побегала на пункт ФСО, чтобы вызвать врача, другая осталась со стариком.

Минут десять программа молчала, потом ее значок окрасился красным, превратился в красный кружок и через минуту исчез: программа самоликвидировалась.

"Кажется, сработало", – написала Вера Альбицкому.

"Пока ничего не предпринимай, ждем информацию".

Вера просидела на кровати еще минут десять, пока с улицы не раздались выкрики и громкие разговоры.

Она подошла к окну. Там царила непонятная суэта: все забегали.

"По нашей информации, тиран мертв, – написал Андрей. – Но неизвестно, когда они решатся объявить об этом официально. Скорее всего, не сегодня. Икону лучше забрать, тебя с ней видело слишком много народа. Подожди, пока вынесут тело. После этого постарайся, туда пройти. Там будет нечего охранять".

Было совсем темно, под соснами горели фонари в старинном стиле, и только небо еще хранило вечернюю синеву.

Медленно, не включая сирену, в полной тишине, под ок-

ном проехала скорая. Старая и обшарпанная, видимо, из соседнего поселка. Неужто на ней в Москву повезут?

Спустя полчаса также медленно скорая проехала обратно. Вера оделась и вышла на улицу.

У входа в СПА-комплекс действительно никого не было. Она беспрепятственно проникла внутрь, дошла до массажного кабинета по пустым сиреневым залам, опустилась на колени у подиума для тайского массажа. Поводила рукой под ним.

Ладанка не находилась.

Посветила мобильником, который на этот раз никто не отобрал.

А! Вот она! Просто чуть ближе к изголовью.

Вера подняла медальон и сунула в карман джинсов.

От входа раздались голоса и шаги. Она метнулась к окну, отодвинула штору и открыла створку. Ничего, первый этаж.

Спрыгнула вниз и побежала к лесу.

Вроде, никто не заметил.

Лесом, по темной тропинке прошла к китайскому павильону. Там, на берегу озера, рядом с низким фонарем, стилизованным под факел, курил охранник Сашка.

– Саш, а что случилось? – спросила она. – Скорая проехала.

– Ну, ты даешь, Ань! Уже все Телеграм-каналы бурлят. Этот сдох!

– Президент?

– Ну, да! Он самый. Сейчас в Москву повезут.

Со стороны вертолетной площадки действительно послышался гул.

– На вертолете? – спросила Вера.

– А то!

– А что с ним случилось?

– Врач сказал: сердце. Ну, знаешь, тут все, что угодно может быть в таком возрасте.

– Жалеешь его?

– Да, ты что! Гада этого?

– Меня к нему так и не допустили.

– Не много потеряла. Тут все друг друга поздравляют. Почитай в интернете!

– Почитаю. А нас теперь всех уволят?

– Может и уволят. Да, не расстраивайся, найдем работу!

– Я бы тогда к родителям съездила, давно не была. Ты скажи, что я уехала домой, если будут искать.

– Скажу. Не вопрос!

Вера уехала утренним автобусом. Приказ об увольнении без церемоний кинули на мессенджер, когда она въезжала в Москву.

Было воскресенье. О смерти диктатора официально не сообщали, но знала каждая собака.

К вечеру в центре Москвы начал собираться народ. Сразу в нескольких телеграм-каналах появился призыв: «Выходите на Манежку. Народные гуляния, посвященные смерти

тирана. Шампанское, закуска и петарды приветствуются».

Было около семи вечера, солнце клонилось к закату, падая за раздвоенные зубцы кремлевской стены.

Вера села на лавочку на Манежной площади, которую никто не догадался перекрыть.

Подошли какие-то ребята с бутылкой Шампанского, милые и интеллигентные, сразу видно, что опасности никакой.

– Девушка, выпьете с нами в честь смерти тирана?

– А тара есть? – по-деловому спросила Вера.

Они предъявили бумажные стаканчики.

– Наливайте, ребята! – кивнула она.

– Как вас зовут? – поинтересовался один из интеллигентных мальчиков, наливая вино.

– Анка.

– Пулеметчица?

– Пулемет сейчас не в моде, а со штурмовой винтовкой справлюсь. Нет у вас?

– Нет.

– Это большое упущение, – улыбнулась она и выпила.

Шампанское было средней паршивости, но сегодня шло любое.

Ребята пошли спаивать народ дальше, а Вера открыла телеграм на мобильнике.

«Вера, ты где? – писал Альбицкий. – У тебя через два часа самолет!»

«Нафиг самолет, Андрей! Здесь движуха».

«Ты соображаешь, вообще? Сколько этой движухи уже было! Вас разгонят за пять минут! В Домодедово немедленно!»

«Не разгонят, – коротко ответила она. – Отстань».

«Я не хочу терять еще одного человека!»

«Пока все спокойно. Буду держать в курсе».

Она встала и пошла прогуляться до Большого Москворецкого моста. Все-таки там совершенно офигенные закаты!

В Кремлевском проезде дежурили двое полицейских, но никого не задерживали, так что народ просачивался на Красную площадь, не встречая сопротивления.

Туда кто-то привез раскладные столики, на них ставили вино, одноразовые стаканчики, какие-то булочки и бутерброды. И никто не мешал.

Вера снимала все на телефон и транслировала Альбицкому.

«Это еще ничего не значит, – комментировал он. – Просто у них есть дела поважнее: делят власть».

Вера заметила суету рядом с лобным местом, но прошла дальше, к Васильевскому спуску.

У мемориала Борису Немцову кто-то поставил самодельную табличку «Немцов мост» и зажег свечи. И цветов, кажется прибавилось.

Она прошла дальше до самой середины моста, до выступающей над водой смотровой площадки и облокотилась на перила.

Небо горело оранжевым, розовым и карминным. Из-под маленького облака над горизонтом веером расходились солнечные лучи.

Вера достала из кармана иконку Богородицы Семистрельной и свесила ее над Москвой-рекой. Разжала пальцы, и ладанка устремилась вниз и скрылась под водой.

С Красной площади раздался грохот: запускали петарды. Они взлетали в закатное небо и рассыпались сотнями огней.

Вера улыбнулась и пошла обратно к Васильевскому спуску.

На площади картинка напоминала рамазан где-нибудь в Стамбуле, когда после заката верующие накрывают столы и устраивают грандиозный пикник на весь город.

Она выпила еще полстаканчика Шампанского и взяла пирожок.

Выяснилось, что хорошим тоном является по мере возможности, принести яства с собой или закупиться в соседнем магазине и поставить для всех.

В ГУМе кафешки были полны до отказа и ни одна не закрыта. При жизни диктатора их заставляли закрываться каждый раз, когда народ смел выходить на улицы. А самим-то им что закрываться – чёс!

В магазине «Красное и белое» висел здоровый плакат: «Шампанского нет!»

Вот это новость! Кто бы у них покупал по такой цене в здравом уме и твердой памяти – а тут на тебе – все смели!

Вера купила бутылочку «Пти Шабли» по цене по крайней мере в два раза дороже, чем в любом спальном районе, и вернулась на площадь.

Там появилось несколько новых деталей. Во-первых, ребята поставили три армейские палатки и натянули тент, а над тентом водрузили огромный российский флаг, по крайней мере два на четыре метра.

Вера пожертвовала общественности «Шабли» и занялась персональным стримом для Андрея.

«Это ничего не значит! – отвечал Альбицкий. – Все ваши палатки снесут за полчаса! Не при нашей жизни, Вер. Не обольщайся!»

Над площадью врубили «Перемен» Цоя. Люди танцевали и обнимались друг с другом. Гремели петарды, взрывались без перерыва и расцвечивали потемневшее небо.

На ночь Вера осталась на площади. Место в палатке нашлось без проблем, кто-то привез спальники и отдал их без возврата, да и без спальника было тепло.

О смерти диктатора объявили утром. И по всем телеканалам врубили «Лебединое озеро». «Дождались! – шутили в палаточном лагере. – Вот и «Лебединое» по всем каналам».

Только однажды в телевизор просочилась новость о «предателях интересов России», которые собрались на Красной площади и пляшут на костях обожаемого народом национального лидера. «Предателей» в палаточном городке тут же прибавилось, всем же хотелось потанцевать на костях.

Зато в интернете новости сменяли друг друга с бешеной скоростью.

Во-первых, на пляже в Серебряном бору собрался съезд независимых депутатов. На пляже, потому что никто не решился сдать помещение. Зато прямо на песке, под соснами натянули колоритный белый шатер.

С одним из независимых депутатов из Мосгордумы Вера познакомилась прямо в палаточном городке. Звали депутата Миша Тихонов, и он был примерно в возрасте Альбицкого или немного старше, но на Михаила Ивановича не отсылался. Только на Мишу. Ходил исключительно в свитере и джинсах, принципиально не признавая пиджаки, и носил на груди матерный значок с надписью: «Тиран-на-хуй!»

При знакомстве он тут же заявил, что у него двое сыновей веринового возраста и посмотрел на нее с явным интересом.

Бедный Миша разрывался между съездом и палаточным городком, но как-то умудрялся регулярно появляться и там, и там.

Во-вторых, в Вильнюсе собрался съезд русской эмиграции. В роскошном зале, оплаченным Павлом Дубовым.

«Ну все, сейчас подерутся», – написала Вера Альбицкому. «Не подеремся, – ответил тот. – Я уже в Вильнюсе».

В-третьих, похороны диктатора были назначены на среду.

К вечеру понедельника к Манежке съехались автобусы с ОМОНОМ.

В семь потребовали освободить площадь для траурных

мероприятий: в Манеже планировалось прощание.

«Убийцу – на свалку!» – ответила Манежка.

Скандировали слаженно и громко, так что и на Красной было хорошо слышно.

В восемь потребовали освободить Красную. «Нацлидера» собирались похоронить в Мавзолее.

«Пададь – в парашу!» – отреагировала площадь.

– Ночью наверняка будет штурм, – сказала Вера Тихонову.

– Может быть, и раньше, – вздохнул он.

– Надо встать цепями поперек Кремлевского проезда и на Васильевском, – предложила она.

– Сметут, – возразил он.

– Все равно, – упрямо сказала она.

«Космонавты» выгружались и вставали цепями

Было около полуночи, когда ОМОН начал разрезать и вытеснять толпу с Манежки. Красная явно была на очереди.

«Мы не уйдем», – написала Вера Альбицкому.

## Глава 6

«Вы не сможете не уйти, – ответил Андрей. – У вас нет оружия. Половину повяжут, половину избыют до полусмерти».

Народ с Манежки утекать через Александровский сад, по Охотному ряду и Театральному проезду и, конечно, просачивался на Красную. Защитников палаточного городка прибавилось.

А интернет заполнили видеозаписи избиений протестующих.

К двум часам ночи на Манежной почти никого не осталось.

И защитники палаточного городка встали плечом к плечу в Кремлевском проезде, положив руки друг другу на плечи.

Вера тоже попыталась встать в цепь.

– Анечка! – сказал Миша. – Ну куда вы лезете!

– А что?

– Мы туда ставим только здоровых парней. Вы посмотрите на себя! Любой ОМОНовец вас в три раза шире. Я не сексист, но здесь важна весовая категория. В вас сколько килограммов? Шестьдесят?

– Пятьдесят пять.

– Ну, вот! Посмотрите на Гошу. Мы его тоже никуда не ставим, хотя с весовой категорией у него гораздо лучше, чем

у вас.

Гоша представлял собой нерда в вакууме в круглых очечках и светоотражающем жилете прессы. До полной сферичности ему не хватало нескольких килограммов.

– Гоша – журналист, – возразила Вера.

– Ну, чего он журналист, Анечка! Он журналист «Зоны Т», то есть представитель СМИ-иногента, который никакого официального права не имеет здесь снимать. Для них журналисты только те, что с «Первого анала» и из «Россия врет».

– Эти не журналисты, а продажные кремлевские шлюшки.

– Это для нас, Анечка. А для них – совсем наоборот. А уж на жилет прессы они уже лет двадцать внимания не обращают.

Вера вздохнула.

– Анечка, только не в цепь!

– Ладно, – сдалась она.

Если мужикам хочется поиграть в рыцарей, надо дать им такую возможность.

Цепь ОМОНа двинулась по Кремлевскому проезду. Все с дубинками, в шлемах, со щитами. Вера смотрела на это из-за плеча рослого парня из цепи. Гоша снимал на телефон рядом.

– Вы можете беспрепятственно покинуть площадь по коридору через Ильинскую улицу! – проорали в мегафон.

– Анечка! – умоляюще проговорил Миша.

– Черта с два! – хмыкнула Вера.

И Миша сдался.

Из цепи защитников палаточного лагеря не ушел никто. Вера оглянулась назад: там с площади тонкий людской ручеек утекал в сторону Ильинки.

Миша смотрел в ту же сторону.

— Каждый несет только ту ношу, которую может поднять, — сказал он.

ОМОНовцы подошли вплотную, и началось избиение.

Цепь защитников дрогнула и разорвалась. Их повалили на землю и продолжили метелить дубинками.

У Гоши вырвали телефон, бросили на мостовую, и ОМОНовец раздавил его сапогом. Повалили на землю, начали избивать. Очки слетели с носа прямо под ноги полицаям. Хрустнуло стекло, сломались дужки.

Гоша упал ничком так, что на парапете остались ноги по щиколотку.

ОМОНовец прыгнул ему на голени, послушался треск кости, парень закричал.

Вера бросилась к нему. Полицаев это не остановило, и они обрушили дубинки на нее.

Вот и пригодилась наука Кирилла Ивановича! Как там? Абстрагироваться от боли? Боль не имеет к тебе отношения?

Вера вскочила на ноги, уходя от прущего на нее ОМОНовца. Да, в три раз шире нее. Только подножки он не ожидал! И тяжело рухнул на землю. Не застегнутый шлем слетел с головы и откатился в сторону. И Вера увидела полный ужаса

взгляд опьяневшего от вседозволенности гопника.

Ей захотелось отобрать у него дубинку и обрушить ему прямо на переносицу, между пустых испуганных глазенок.

Но Миша потянул ее за рукав ветровки.

Ему удалось поднять Гошу на ноги и перекинуть его руку через плечо.

– Уходим! – сказал он. – Ему нужна скорая.

ОМОН, было, бросился за ними, но ребята из защитников лагеря преградили им путь, и полицаи с видимым удовольствием начали избивать их. Им было все равно кого!

Уходили по Никольской.

Гоша не мог идти сам, так что Миша с Верой волокли его на себе. Довели где-то до середины улицы. Посадили на лавочку. Никольская – пешеходная, так что не было уверенности, что скорая сюда проедет.

– Ну, в крайнем случае дотащим до Лубянки, – сказала Вера.

Тихонов позвонил в скорую.

– Говорят, очень много вызовов в этом районе, – сказал он. – Но обещали побыстрее. И надо снять побои.

– Миш, зачем? Все равно он будет виноват, а они во всем правы.

Тихонов поморщился, шевельнув полуседыми усами.

– Его надо уложить на скамейку, – сказала Вера. – Осторожнее с ногами.

Она села на краешек и положила его голову к себе на ко-

лени. Миша помог ему лечь.

– Обалдеть! – сказал Гоша. – Никогда не думал, что окажусь так близко от такой красивой девушки!

– Ты ж говорил, что без очков ничего не видишь, – заметил Тихонов.

– Ну, я же видел до этого!

– Ты похож на Пьера Безухова, – сказала Вера.

– Такой же толстый?

– Такой же бесстрашный.

Скорая все-таки смогла подъехать прямо к ним, и они сдали Гошу врачам.

Потом выяснилось, что у него перелом обеих ног.

– Тебя будут искать, – сказал Миша, когда скорая уехала.

– Я в курсе, – кивнула Вера.

– Тебе лучше не возвращаться домой.

Вера подумала о том, актуальна ли еще конспиративная квартира, где она остановилась, когда прилетела в Москву. По планам Лиги она уже два дня должна быть в Лондоне.

– Да, я понимаю, – вслух сказала она.

– Как насчет того, чтобы поехать ко мне?

Миша ей скорее нравился, несмотря на возраст, хотя и в подметки не годился Андрею. Вел он себя как типичный смирный интеллигент, так что отшить его в случае чего не представляло проблемы.

– У меня жена – врач, – добавил он. – Посмотрит. Тебя же тоже избили.

– Снимать побои не буду, – сказала она.

– Просто посмотрит.

– Переломов нет, я тоже врач. Гематомы, наверное, будут.

– Болят?

– Боль ничто.

– А ты на гвоздях, часом не спала, Рахметов в юбке?

– Гвозди давно не актуальны, сейчас есть методы радикальнее.

Он хмыкнул.

– Я тут недалеко припарковался, на Ильинке.

– Ты что миллионер?

– Не так, чтобы. Но не нищий. Да и я же там не круглые сутки. В Серебряном бору бесплатно.

Минут через десять они уже загружались в средней паршивости депутатский джип.

– Ты что карате занималась? – спросил Миша по дороге.

– Годзю-рю.

– Черный пояс?

– Зеленый. Что не круто. С огнестрелом у меня лучше. Там весовая категория не столь важна.

– Ты и стрелять умеешь?

– Миш, у тебя машину слушают?

– А хрен ее знает!

– О чем ты хотела спросить? – спросил Миша, когда они вышли из машины.

Дом стоял на охраняемой территории, и до подъезда бы-

ло метров десять. Эта дислокация Вере тоже не очень нравилась.

– А квартиру у тебя слушают?

– Не знаю, – пожал плечами Тихонов.

– У некоторых прослушек радиус действия до полукилометра.

– Ну, можно, конечно, пойти в парк погулять, здесь Битца недалеко, но тогда лучше завтра.

Было половина четвертого утра, у подъезда горел фонарь, освещающая тюльпаны на ухоженной клумбе и зацветающую рябину. На востоке, над домами и деревьями, светлело небо, просыпались первые птицы.

– Завтра может быть поздно. Ладно, пофиг, пока это кухонный разговор.

Она села на лавочку у подъезда, Миша опустился рядом.

– Нам надо создавать отряды самообороны, – сказала Вера.

Миша усмехнулся.

– С ума сошла? Это уголовщина. Создание незаконных вооруженных формирований.

– А, если они нам дышать запретят, тоже послушаемся?

– Ну, это другое! Ань, ну, насилие – это же действительно плохо.

– Плохо. Особенно, когда здоровый полицейский умышленно ломает ноги безобидному журналисту. Мне тоже не нравится.

– Ань, насилие против государства не эффективно, потому что в этой области государство всегда сильнее: у них полиция, армия, оружие.

– Угу! Наш великий вождь и учитель Джин Шарп! Теория ненасильственного сопротивления. Миш, читала. Только в одних странах на улицы выходит, куда меньше магических 3,5% – и происходит революция. А в других – гораздо больше – и ничего не происходит. Как ты думаешь, в чем разница?

– И в чем?

– В готовности умереть. Народ побеждает тогда, когда смерти боится меньше, чем возвращения назад. И на фоне смерти все эти их уголовные санкции – ничто! "Создание незаконных вооруженных формирований", говоришь? Сейчас поуглЮ.

Они мигом нашла в интернете статью УК.

– От десяти до двадцати, – прочитала она. Ну, что ж! Десяточка у меня уже есть.

– Почему десяточка?

– Ну, как? Статья 318, часть 2: "Применение насилия в отношении представителя власти, опасное для его жизни или здоровья". До десяти лет.

– Ань, да какое опасное! Подножка?

– Конечно. Он же мог удариться головой о брусчатку. Конечно, опасное. Первая часть – это потянул мента за рукав, дотронулся до его дубинки или бросил пустую пластиковую

бутылку, но не попал. Да, тогда не опасное: до пяти. А у меня, Миш, вторая.

– Да не пойдут они на это!

– Меня всегда поражала способность некоторых людей сохранять иллюзии в таком возрасте. Нет, я-то отсижу. А вы так и останетесь в заднице.

– Девушка, вы удивительно тактичны!

– Миш, это не шуточки.

– Можно уехать.

– Можно. Но пока мы будем уезжать останется только повторять: «Тиран умер! Да здравствует тиран!» Кто там распорядитель похорон? Генерал Стасов?

– Да. Возможно, он не будет тираном.

– Ты можешь в это верить, Миш, а мне надоело хоронить друзей.

– Кого-то потеряла?

– Они убили одного очень хорошего мальчика, который был в меня влюблен. Потом расскажу может быть.

– Ладно пойдем спать.

Миша выделил ей место в холле на диванчике и выдал белье.

– Справишься? – спросил он.

– Конечно.

Интеллигентская кухня депутата Тихонова была довольно приличных размеров, метров пятнадцать квадратных, и имела эркер. Здесь и собрались все за завтраком, который в

связи с объявленным генералом Стасовым выходным днем пришелся примерно на полдень.

Старший сын Тихонова жил отдельно, так что, кроме хозяина, присутствовал только младший: Захар девятнадцати лет. И жена Миши Алина.

Алина была подтянутой дамой лет сорока и тоже признавала только обращение на «ты» и по имени. А Захар оказался мальчиком с детским лицом, усиками над верхней губой и первыми намеками на бакенбарды. Он тут же посмотрел на Веру восторженными глазами Жени Соболева, но был так мил и застенчив, что Вера тут же дала ему телефон.

Интернет был полон видео с разгона палаточного городка: избияния, крики, гематомы и переломы защитников, интервью с ними, российский флаг, содранный с палатки и растоптанный ОМОНОм. Потом он же измятый, изорванный, со следами сапог.

– А полицаи не в курсе, что это знамя их родины? – поинтересовалась Вера.

– Думаю, им все равно, – вздохнула Алина. – Делают, что приказали.

Телевизора у Миши не было, но мессенджеры докладывали, что «Лебединое озеро» до сих пор по всем каналам, а в новостях только подготовка похорон.

Миша молча пил кофе, уже вторую чашку, и почти не ел. Ночью произошло еще одно событие, более значимое для него, чем разгром палаточного городка: почти одновремен-

но снесли шатер Съезда независимых депутатов в Серебряном бору. Ночью его никто не охранял. Да и что там было брать, кроме пластиковых стульев! ОМОН приехал около трех, спустил ткань и вывез всю мебель. Миша в который раз смотрел ролик с падающими опорами и кусал губы.

– Нам надо захватывать телестудии, – сказала Вера.

– Ань! Да, кто сейчас телевизор смотрит?

– Смотрят, Миш. Во время любой дискуссии в интернете с любым сторонником режима, если ты не будешь настаивать на своем, а попытаешься докопаться до источников бреда, который он несет, он в конце концов расколется и ляпнет что-нибудь вроде: "Так это же крутят в новостях по всем каналам!" Да, он может потом в интернет залезть за подробностями, но и гуглить будет то, что ему по телевизору показали. И на сайт зайдет того же «Первого анала» или «Параша врет». Потому что других не знает. Потому что даже в поисковой выдаче любого отечественного поисковика – тоже только эти. А не отечественный неудобен и непривычен.

Они живут в другом информационном поле, Миш, у них другая картина окружающей действительности, не имеющая отношения к реальности вообще. Нам надо сломать эту картину. Не факт, что они будут благодарны. Настоящая реальность, куда менее оптимистична, чем телесказка, и не будет лстить им. Она не сахарку подложит, а опрокинет мордой в говно. Но иначе никак. Революции побеждали только в тех странах, где оставалось хотя бы частично свободное телеви-

дение.

– Почта, телеграф, телефон – ленинский план вооруженного восстания, – усмехнулся Миша.

– Ленинский план устарел, но что делать известно. Достаточно просто залезть в Википедию и прочитать историю парочки современных революций. Вопрос не в том, что делать, и даже не в том, как. Вопрос в том, кто. Кто первым решиться нарушить закон, и пойдут ли за ним люди. Потому что любая революция – это сплошное нарушение законов того режима, против которого ее поднимают. А потом будут другие законы.

– В Великой хартии вольностей было право на восстание.

– В конституциях США и Франции до сих пор есть. Только не в Российской!

– Авторы слишком не хотели повторения 1917 года и боялись русского бунта, вот и не внесли.

– Очень зря.

– Все равно закон будет нарушен. И могут не поддержать, даже свои. Испугаются и повяжут, как провокатора.

– Но, если не испугаются, мосты будут сожжены, Миш. Как только мы объявим запись в отряды самообороны, мосты будут сожжены. Как только мы захватим Останкино, мы сожжем то, что еще останется. И отступать будет некуда.

Тихонов отхлебнул кофе и поморщился: он давно остыл.

– Затащил домой экстремистку, – улыбнулась Вера.

– Думаешь, кишка у меня тонка? – спросил он.

– Ну, почему обязательно у тебя? Неважно, кто объявит. Найдите того, у кого потолще.

– Нам даже собраться негде.

– Неважно, где вы соберетесь: на пляже, в зале для игры в мяч, на площади под открытым небом. Центр власти будет там, где вы соберетесь. Вы только соберитесь!

– Место имеет значение. Народ воспринимает, как власть, то, что в центре.

– Не все сразу. Будете в центре, со временем.

За ночь было задержано более пятисот человек. Несколько десятков увезли с травмами в больницы.

– Бывало и побольше, – прокомментировала Вера.

– Так не избивали, – заметил Тихонов.

– Избивали, Миш. Это народ у нас отходчивый, и память короткая.

Алина все-таки посмотрела Верины следы от побоев и изрекла, что все-таки хорошо бы сделать рентген.

– Нет, – сказала Вера. – Если бы нужен был рентген, я бы по-другому себя чувствовала. Слишком рискованно заявляться в травмпункт, меня наверняка ищут.

А потом пришло сообщение от Альбицкого.

Вера ждала упреков и чего-нибудь вроде: «Ну, что доигрались? Я же говорил, что вас сметут!»

Но Андрей написал только одно слово: «Жива?»

«Да», – ответила она.

«Ищут?» – спросил он.

«Скорее всего».

«Ты где?»

«У депутата Тихонова».

«Понятно. Я видел ролик с избивением журналиста из «Зоны Т» и твой роскошный прием. Я понимаю, что ты не могла не вмешаться, но оставаться у Тихонова тебе нельзя, он тоже в том ролике. Им сейчас просто не до того. У нас есть запасная квартира. Переедешь сегодня. Все, что необходимо найдешь в Битце. Лови координаты. Надеюсь, ты понимаешь, что арест для тебя равносителен смерти».

«Да, понимаю».

– Я сегодня уезжаю, – сказала она вслух.

И поймала расстроенный взгляд Миши и просто отчаянный Захара.

– Мы обязательно встретимся, – сказала она Захару.

– Где? Когда?

– На площади, – улыбнулась она.

– На какой? – спросил Захар.

– Не ошибешься.

– Тебе нельзя домой, – сказал Миша.

– Это не домой, – успокоила она. – Не ты один такой добрый. Мне нельзя у тебя оставаться, мы попали на видео с избивением Гоши.

– Я тебя на машине подвезу?

– До Битцевского парка. Там недалеко.

– Как тебе Захар? – спросил он по дороге.

– Милый, но маленький.

– А тебе разве не семнадцать?

– Несколько больше, – хмыкнула она.

Попрощалась с Мишей и пошла вглубь парка. Спустилась в овраг. Перебралась через ручей по поваленному стволу.

Пахло болотными травами, хвоей и одуванчиками.

Координаты вели все дальше в чащу.

## Глава 7

Тайник был у подножия толстой сосны, завален прошлогодней листвой и закамуфлирован лапником. Вера оглянулась, никого рядом не было. Она быстро нашла пакет с новыми документами на имя Александры Шабановой, новым телефоном, наличными и банковской картой. Сложила туда паспорт на Анну Есипову, старую карту и старый телефон. И вернула сверток на место. Новый смарт нельзя было включать до конспиративной квартиры, чтобы не выследили по билингам.

Она замаскировала тайник и пошла прочь.

Здесь же, в Битце, хотя и в другой части парка, брал документы Женя Соболев после того, как прилетел из Лондона полтора года назад. История могла повториться. В аэропорт нельзя, есть видеозапись. Можно было бы по земле к какой-нибудь западной границе, но на этот раз Альбицкий рекомендовал залечь на дно.

«Второго Платона у них нет, – написал он, когда она включила новый аппарат в однушке в районе Чертановской. – Они умеют только отлавливать активистов по адресам прописки. Конспиративная квартира – это для них слишком сложно».

На следующий день, в среду, состоялись похороны диктатора.

Катафалк под охраной одиннадцати мотоциклистов медленно полз по совершенно пустой, точнее полностью зачищенной Москве. Все станции метро закрыли внутри Садового кольца, все улицы перекрыли внутри Бульварного.

Кортеж проехал по пустынной набережной Москвы-реки, свернул на Моховую, мимо стоящих плотным строем крытых брезентом военных грузовиков, мимо автобусов с ОМО-Ном и танков на Охотном ряду. Гроб с телом выгрузили и подняли на постамент внутри Манежа. К нему потянулась тонкая струйка людей, допущенных по особым пропускам.

«Боятся, что наплюют ему в рожу, если пускать без пропуска», – комментировали в интернете.

А потом кто-то додумался выложить встык две фотографии: на левой толпа людей на похоронах Жени, на правой – пустая Москва на похоронах диктатора. И подписать: «Слева: похороны казненного преступника. Справа: похороны национального лидера. Не перепутайте!»

Прощание провернули за один день, не так уж много оказалось особо доверенных. И в восемь вечера, в час заката, гроб с диктатором внесли в мавзолей.

А утром увели танки.

Оцепление и ОМОН продержали весь четверг, пятницу и субботу: все дни траура. Сняли только в последний день недели.

В воскресенье в одном из оппозиционных телеграм-каналов Вера увидела сообщение: "Только что телевизионное

вещание основных госканалов было прервано. Ни НТВ, ни Первый, ни Россия-1 не работают. На экране помехи. В студиях пытаются решить проблему".

Из любопытства Вера зашла на сайт "Первого", где не была никогда раньше, и застала тот момент, когда картинка появилась, но это была другая картинка. "Первый" транслировал сцены избиения демонстрантов на Красной площади. Фоном в Телеграм пришло сообщение, что тоже самое крутят по всем каналам.

Вера походила с сайта на сайт. Вообще по всем!

"Как тебе представление?" – поинтересовался в «Телеге» Альбицкий.

"Это наши?"

"Угу! Не зря же мы три года учились обманывать их системы!"

"Супер!" – написала Вера.

"А меня избрали в Штаб Свободной России в Вильнюсе", – заметил Андрей.

"Разве власть для нас не табу?"

"Табу, но это еще не власть. Мы сейчас запустим репортаж с нашего съезда. Думаю, что по "Первому"".

"Я сказала Мише про отряды. Он боится".

"Не суди. У них риски несопоставимы с нашими. Мы тут поговорили и разошлись, и нас никто не тронет, а их закроют всех в случае неудачи. Дай им время. Посмотрим, как работает наше телевидение".

"На сколько его хватит?"

"Постараемся продержаться подольше. Они уже лет тридцать не вели прямых эфиров, так что мы просто подменяем сигнал: одну запись на другую".

Вера подключилась к сайту "Первого" и стала смотреть репортаж из Вильнюса. Комментатор не стал мучить зрителей перипетиями межпартийной борьбы и сразу огласил результат: Павел Дубов избран председателем Штаба Свободной России, и еще четверо – его заместителями, и один из них – Альбицкий. Они с Дубовым на камеру пожали друг другу руки.

– Методы Лиги всегда казались мне несколько сомнительными, – прокомментировал Дубов. – Но мы решили отложить нашу дискуссию на потом. Не до того сейчас: одно дело делаем.

Дубов был еще красив, несмотря на приближение шестидесятилетнего юбилея, высок, подтянут, темноволос. И улыбка вызывала воспоминания о том времени, когда он был кумиром юных русских интеллектуалок.

"Директория", – прокомментировала Вера Альбицкому.

"Еще десять раз все изменится. Может, ваши, наконец, соберутся", – ответил он.

"Андрей, а почему мы не берем на себя ответственность?"

"Не только для того, чтобы тебя прикрыть. Как показывает исторический опыт, убийства тиранов часто приводят к реакции, зато естественная смерть обычно сопровождается

либерализацией. Лучше естественный "Черный лебедь". Ну, прилетел и прилетел. Не важно, что ему кто-то помог. Так что боимся навредить. Не для нашего тщеславия работаем.

В свое время сознаемся.

Не забудь это стереть".

С нового телефона Вера подписалась на телеграм-канал Съезда независимых депутатов. На личный Мишин пока не решилась, чтобы не светиться, тем более под новым именем.

Депутатский съезд посокрушался над демонтажом шатра на пляже, поиздевался над похоронами в пустой Москве, помолчал в нерешительности да и запостил интересную ссылочку в воскресенье вечером: «Запись в отряды самообороны». Вера не раздумывая кликнула на нее и записалась «Анкой». Система съела.

И на Манежку начал возвращаться народ.

Вера была у Манежа в 21:00. Народу прибывало. Прямо на лавочке организовали дополнительную запись в отряды самообороны. Рядом стояла небольшая очередь. Записывал парень, который показался Вере смутно знакомым. Кажется, именно он угощал ее шампанским.

– Анка? – подтвердил он ее подозрения. – Хотите записаться?

– Уже записалась по интернету. Оружие у вас есть?

– Ну, что вы! Это же незаконно!

– Угу! Опять голыми руками будем от полицаев отбивать-

ся?

Она окинула взглядом очередь.

– Ребят, если будет оружие, кто готов взять?

Ребята замялись.

Наконец, из очереди вышел полноватый темноволосый парень лет тридцати и шагнул к ней.

– Я возьму.

Она по-мужски протянула ему руку для рукопожатия.

– Анка.

Он усмехнулся и пожал ее ручку.

– Артем.

– Если не умеешь пользоваться, не проблема, – сказала она. – Научу!

– Справлюсь. Я в Росгвардии служил.

– Бывший полицей, стало быть?

– Угу! Все мечтал изменить систему изнутри.

– И как?

– Я здесь.

Они устроились на соседней лавочке.

Артем был улыбчив, весел, а темные глаза и нос с горбинкой делали его слегка похожим на испанца.

– Пулеметы ожидаются? – спросил длинноволосый бородатый парень совершенно не военного вида: ему бы гитару!

– Пулеметов не обещаю, – сказала Вера. – Но, думаю, не только короткоствол. Ребят, все очень серьезно. Будет оружие.

– На всех хватит? – спросил бородач.

– На вас точно хватит. И останется.

И подала ему руку.

– Анка.

– Максим, – представился он.

– Инструктаж нужен? – спросила она.

– Нет.

– Служил?

– Я страйкболист.

– Это не совсем то, – засомневалась Вера.

– Огнестрел тоже пробовал, правда в тире.

– Ладно, пойдет, – заключила она.

Постепенно вокруг них собралось еще человек десять самых решительных.

– А вы-то, девушка, стрелять умеете? – поинтересовался хипстер лет двадцати пяти в джинсах и ботинках апельсинового цвета.

Хипстер был изящен, как балерина, и при этом обладал небольшой лысиной и аккуратной русой бородкой.

И Вера подумала, что здесь инструктаж понадобится точно.

– Покажу, как будут стволы, – сказала она. – Вон там, у кремлевской стены, и постреляем.

– Денни, – представился обладатель оранжевых ботинок.

– Анка, – кивнула она.

И написала Альбицкому:

«Андрей, сколько у нас стволов?»

«Ты на Манежке, конечно?»

«Конечно».

«Идиотка!»

«Ты не ответил».

«Сколько у тебя людей?» – спросил он.

«Человек десять» – отчиталась она.

«Молодец! Набери хотя бы сотню».

«Будет оружие – будет сотня».

«Ладно. Ждите».

– Говорит: ждите, – сказала она.

– Кто говорит? – поинтересовался Артем.

– Я бы пока не хотела называть имя этого человека.

– Мы его знаем?

Она кивнула.

– Да, вы его знаете.

Народ тусовался на пятачке у входа в Манеж. К десяти вечера здесь поставили палатки. Пахло нарциссами и сиренью из Александровского сада.

Из Манежа убрали все, имевшее отношение к прощанию, там планировалось новое мероприятие, посвященное памяти тирана: выставка "Третье отделение – ВЧК – НКВД – КГБ – ФСБ – СБ: 200 лет на службе стабильности". О выставке объявлял огромный черный плакат на стене манежа.

– Классная стабильность! – прокомментировала Вера. – Через четыре революции!

– Ну, кое в чем стабильность, – заметил Артем. – В подавлении инакомыслия, политическом сыске, беззаконии и убийствах.

– Причем инакомыслие столь стабильным не было, – уточнила Вера.

– Либералов и западников они всегда ненавидели, – сказал хипстер Денни.

– Ну, кроме, короткого периода в самом конце прошлого века, после августа 1991-го, – уточнил Максим.

– Что-то мне не нравится эта выставка, – заключил Артём.

– Мне тоже кажется, что помещению можно найти лучшее применение, – задумчиво проговорила Вера.

– Анка! – услышала она и обернулась на крик.

К ней, широко улыбаясь, шагал Захар, младший сын депутата Тихонова.

– Все-таки я тебя нашел! – сказал он. – Куда же ты пропала?

Она посмотрела в его сияющие глаза, задержала взгляд на юношеском пушке на щеках и вздохнула. Ох! Ну, кто ее за язык тянул, насчет площади!

– Привет, Захар, – кивнула она. – У меня сменился телефон.

И они обменялись номерами.

– Папа скоро приедет, – сказал Захар.

– Это сын депутата Тихонова, – пояснила Вера.

– А! – кивнул Артем. – Хороший мужик.

Стемнело, зажглись фонари в старинном стиле. Над кремлевской стеной небо стало темно-синим. Потянуло прохладой.

С Моховой к манежу повернула газель, взобралась на тротуар и медленно подъехала ко входу, аккуратно пробираясь через толпу между палатками.

Из кабины выпрыгнул долговязый бритоголовый парень и окинул взглядом присутствующих.

– Анка здесь? – спросил он.

Вера шагнула из толпы к нему навстречу.

– Яков, – представился он и пожал ей руку.

Обошел машину и поднял брезент.

– Разбирайте!

Газель была сверху донизу забита оружием. Главным образом, штурмовым винтовками. Только у стенок кузова один на другом стояли пластмассовые ящики.

– А это что? – спросил Денни.

– Как что? – усмехнулся Яков. – Пиво для наших врагов!

В ящиках действительно были бутылки, и из каждой торчал фитиль.

Яков запрыгнул в кузов и достал сверху автомат.

– Ну? Кто смелый? – спросил он.

– Давай! – сказала Вера и протянула руку.

Артем был следующим. Он взял автомат и повесил себе на плечо явно привычным жестом.

– Выстрелить в человека сможешь? – спросила Вера.

– Не хотелось бы, конечно, – сказал он. – Очень надеюсь, что до этого не дойдет.

– Все мы на это надеемся, – сказала Вера.

– Если будут стрелять в нас – выстрелю.

– А, если ОМОН с резиновыми дубинками? Или Росгвардия, где ты служил?

– Посмотрим по обстановке.

Ящики с коктейлями Молотова поставили один на другой у входа в манеж. Штурмовые винтовки сложили на парапет. Вооружение народа шло небыстро, но верно. И чем больше прибывала толпа, тем больше в ней находилось готовых взять в руки оружие.

Пятачок у входа уже не вмещал людей. Народ заполонил весь сквер и площадь до самой гостиницы "Четыре сезона".

Депутат Миша Тихонов шел между лавочками и клумбами ко входу в манеж. Подошел, обалдело уставился на оружие и бутылки с зажигательной смесью. Нашел глазами Веру и впился взглядом в автомат у нее на плече.

– Это что? – спросил он.

– Как что? – улыбнулась она. – Отряды самообороны.

– Пап, привет! – услышала она голос Захара и обернулась.

На плече у депутатского сына висел продвинутый калаш с оптикой.

Ей остро захотелось сказать что-то типа: "Пушки детям не игрушки" или "Ты еще маленький". Но обидится ведь!

– Перевесь через голову, – сказала Вера. – Поверь, так

удобнее.

– А у тебя через плечо, – возразил Захар.

– У меня опыта побольше. А впрочем...

И она перевесила автомат через голову.

– Где служила? – поинтересовался Артем.

– Не служила, училась. Расскажу как-нибудь. После нашей победы.

Вера перевела взгляд на Тихонова и кивнула в сторону манежа.

– Вас устроит этот зал?

– Эээ... да, – сказал Миша.

Она махнула рукой Артему и Максиму и поднялась по ступенькам к дверям. Захар увязался следом.

Вера вежливо постучала. Внутри царил тишина, хотя в окнах маячил слабый свет.

Бывший росгвардеец ударил в дверь прикладом автомата.

Наконец, она приоткрылась, и Артем молниеносно сунул туда ботинок.

– Открывайте! – сказал он.

И направил на невидимого охранника штурмовую винтовку.

А Максим резко дернул ручку.

Дверь распахнулась, и ополченцы зашли внутрь.

Манеж охранял единственный вахтер. На поясе у него висела кобура с оружием. Он попятился к столу.

– Что у вас там, тревожная кнопка? – спросил Артем. –

Ну, нажимайте, мы не возражаем. Только полицейских бы пожалели. Порвут ведь на кусочки. Вы видели, что на улице делается?

– Оружие на стол, – сказала Вера. – Вы один?

Вахтер снял кобуру, которую быстренько подобрал Максим.

Охранник кивнул.

– Один.

– Ок, – сказала Вера. – Зал нужен для независимых депутатов. Публика интеллигентная, аккуратная, ничего не испортят, так что можете быть спокойны. Вас доведут до метро, а то на форму народ может неадекватно среагировать.

И она обернулась к Максиму.

– Проводишь?

– Конечно.

Макс увел охранника к метро. Судя по отсутствию шокирующих новостей, доставил благополучно.

Тем временем двери манежа широко открыли. А Вера нашла Тихонова в толпе.

– У вас стульчики сохранились из шалаша на пляже? – поинтересовалась она.

– Найдем, – кинул Миша.

Пока депутаты завозили мебель, вокруг манежа расставляли посты: переносили ящики с коктейлями Молотова, раздавали оружие.

– Тём, встанешь у западного входа? – спросила Вера.

– Я останусь с тобой.

– Угу! А, кого я отправлю к Кутафьей башне?

– Я пойду, – сказал Максим.

Вера посмотрела на него с некоторым недоверием.

– Ладно, бери людей.

Она бы предпочла отправить туда Якова, все-таки он из Лиги, но кто-то должен был следить за раздачей оружия.

Все-таки ополчение – это стадо кошек. Андрея бы сюда! У него бы точно все шли, куда сказано.

Смельчаков, не только записавшихся в отряды самообороны, но и взявших оружие, было не густо. С Максимом ушли человек двадцать. И раза в полтора больше остались у восточного входа. Но народ прибывал, несмотря на поздний час, так что Вера надеялась на пополнение.

Телевизионная трансляция иногда прерывалась помехами, но пока контроль удавалось сохранить: «ящиком» управляла оппозиция. В одиннадцать вечера по НТВ стартовал проект журналиста «Зоны Т» Сергея Степанова «История диктатуры. Россия. 21-й век». Так что все с увлечением торчали в смартфонах. Первая часть называлась актуальненко: «Уничтожение независимого телевидения». И была анонсирована вторая: «Разгром крупного бизнеса».

Первые депутаты начали собираться к шести утра. В восемь объявили о кворуме.

– Господи! Только бы не переругались! – сказала Вера.

Тёма понимающе вздохнул.

Тогда же появились тревожные вести: к Москве шли танки. Говорили о танковой бригаде Таманской дивизии.

– Сорок километров, – прокомментировал Захар.

– За час доедут, – предположила Вера.

– Танкисты под Наро-Фоминском, – заметил Артем.

– Ну сто, – вздохнула Вера. – Значит за 2 часа.

– В Калининце стоит танковый полк, – возразил Захар. –

У нас там дача.

– Значит, все-таки за час, – хмыкнула Вера.

Она загрузила на смарт видео с колоннами бронетехники.

Они казались бесконечными: танки, БТРы, грузовики с солдатами.

И их ополченцев человек сорок.

Потенциально последний вечер в ее жизни уже был. Последнее утро?

– Ничего, встретим, – сказал Артем.

## Глава 8

Депутаты заседали как ни в чем не бывало. В девять утра объявили о том, что все поправки к конституции, принятые с 2008 года объявлены незаконными, поскольку одобрены нелегитимными парламентами, избранными в условиях несвободы СМИ.

Еще через полчаса объявили о том, что съезд независимых депутатов отменил все законы эпохи тирана. Ситуацию отыграли к состоянию 2000 года.

Первые танки появились на Моховой почти одновременно с этим решением.

Раздали бутылки с зажигательной смесью. Два ящика передали к западному входу.

Поставили бутылки на парапет, чтобы были под рукой. Все молчали.

Танки величаво вывернули на Моховую и потянулись к манежу. Вера взяла бутылку.

И тогда пришло сообщение от Тихонова: "Не стреляйте. Это наши танки".

Спят они там что ли!

– Артем! Расшерь немедленно: не стрелять, это наши танки.

И сама кинула сообщения Максиму и Денни. Захар был рядом, наотрез отказавшись защищать противоположный

ВХОД.

Бронемашины доехали до гостиницы "Четыре сезона", и колонна встала. Песочного цвета танк остановился метрах в пяти от Веры, у парапета. Хотелось сказать, что припарковался.

Башня танка повернулась и направила пушку в сторону бульваров, от ополченцев.

Остальные выстроились впереди и позади него с интервалом метра в три-четыре.

В один из таких интервалов просочился черный матовый военный джип, сияя огнями над лобовым стеклом. Джип встал прямо напротив входа и из него вышел здоровый мужик лет пятидесяти. К нему навстречу, широко улыбаясь, шел Тихонов. Мужик раскрыл объятия. И поджарый депутат утонул в его огромных лапах.

– Привет, Жоржик, – сказал Тихонов. – Ты очень вовремя.

– Ну, как бы я тебя бросил, Миш!

– Это генерал Кречетов, – объяснил Тихонов подоспевшей Вере.

И добавил таким тоном, словно это объясняло буквально все:

– Мой сосед по даче.

– Ты крут, Миша, – прокомментировала Вера. – Целого генерала распропагандировал!

– Ну, да! – хмыкнул Тихонов. – Это я его распропагандировал! Да он мне уже лет двадцать, с полковничьих погон,

рассказывает под самогончик про то, что армию развалили все украли.

– Больше не украдут, – заключил Кречетов.

Танкисты спустились из своих машин и начались братания. К Вере тоже полез обниматься невысокий солдатик. Танкист был в возрасте Захара и не очень навязчив, так что Вера не возражала.

– Вася, – представился он.

– Анка, – кивнула она.

И как всегда по-мужски протянула ему руку.

Он поколебался, но пожал.

– Ты стрелять-то умеешь, амазонка?

– А пойдем, покажу.

Обстановка казалась спокойной для того, чтобы немного отвлечься. Стрелять пошли в Александровский сад, жестяные баночки поставили у кремлевской стены. Кроме Васи за Верой увязались, конечно, Артем, Захар и Максим с Денни. Уже у стены зрителей добавилось.

Из автомата Вера выбила баночки сразу и все.

– Ну, из калаша это каждый дурак сумеет, – сказал Артем.

– Короткоствол есть у кого-нибудь? – спросила Вера.

– Сейчас, – сказал Максим и протянул пистолет.

– Никак от вахтера? – спросила Вера.

– Угу!

Тем временем Денни вернул баночки на место.

И Вера снова выбила все с первой попытки.

И совершенно четко вспомнила, как они также стреляли по баночкам с Женей в лесу под Прагой. И закусила губу.

– Где насобачилась? – спросил Артем.

Она повернулась к нему и одними губами шепнула: "Лига свободы и справедливости" и поднесла палец к губам.

– Мать! – сказал он.

Соревнование продолжилось. Артем с трудом отвоевал у Максима второе место. Остальные остались в глубокой заднице.

К полудню они вернулись к манежу.

Здесь развернули что-то вроде военно-полевой кухни: появился столик с кофе, чаем, кипятком и пирожками. Кто-то заказал пиццы, и они лежали на столе прямо в коробках одна над другой. Впрочем, пирамида из пицц быстро теряла высоту.

Революция снова принимала форму пикника.

Еще утром готовились к смерти...

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.